

Личак Георгий Кириллович

Бомбардировщики. Записки воздушного стрелка-радиста

Проект "Военная литература": militera.lib.ru

Издание: Личак Г. К. Бомбардировщики. — М.: ДОСААФ, 1959.

Книга на сайте:

Иллюстрации: нет

OCR, правка: Андрей Мятишкин (amyatishkin@mail.ru)

Дополнительная обработка: Ноахер (hoaxer@mail.ru)

[1] Так обозначены страницы. Номер страницы предшествует странице.

{1} Так помечены ссылки на примечания. Примечания в конце текста

Личак Г. К. **Бомбардировщики.** Записки воздушного стрелка-радиста. — М.: ДОСААФ, 1959. — 72 с. — Тираж 30 000 экз. Цена 1 р. 15 к.

Автор: Всю войну я служил в бомбардировочном авиационном полку воздушным стрелком-радистом. Большой боевой путь прошел наш полк — путь от Москвы до Берлина. Битва под Москвой, Орловско-Курская дуга, Изюмо-Барвенковская, Бобруйская операции, Днепр, Висла, Одер, штурм Берлина — вот наиболее знаменательные вехи на боевом пути полка. За годы войны летчики, штурманы, стрелки-радисты полка разрушили сотни вражеских объектов, опорных пунктов, уничтожили много техники, живой силы, сбили десятки самолетов противника. Годы совместной боевой жизни спаяли коллектив узами крепкой дружбы, которая выручала нас в тяжелые минуты, смягчала горечь утраты боевых товарищей. О своих однополчанах, их мужестве и отваге, боевых делах в годы войны я и написал в этой книге. А еще мне хотелось рассказать нашей молодежи о профессии летчика-бомбардировщика

СОДЕРЖАНИЕ

От автора [2]

В авиацию [3]

В полку [5]

Воздух [9]

Воздушный стрелок-радист [13]

Первый боевой вылет [17]

Учеба [21]

Подвиг [25]

Вступление в партию [31]

Высота — восемьсот метров [36]

Комиссар полка [42]

Недоигранная партия [45]

Снова в полку [56]

«Не возьмешь!» [60]

Американец [61]

Кюстрин [64]

Победа [67]

1	От автора.....	2
2	В авиацию.....	2
3	В полку.....	3
4	Воздух.....	4
5	Воздушный стрелок-радист.....	6
6	Первый боевой вылет.....	7
7	Учеба.....	9
8	Подвиг.....	10
9	Вступление в партию.....	13
10	Высота — восемьсот метров.....	15
11	Комиссар полка.....	17
12	Недоигранная партия.....	18
13	Снова в полку.....	20

14	«Не возьмёшь».....	22
15	Американец.....	24
16	Кюстрин.....	25
17	Победа.....	26
18	Примечания.....	28

От автора

Всю войну я служил в бомбардировочном авиационном полку воздушным стрелком-радистом. Большой боевой путь прошел наш полк — путь от Москвы до Берлина. Битва под Москвой, Орловско-Курская дуга, Изюмо-Барвенковская, Бобруйская операции, Днепр, Висла, Одер, штурм Берлина — вот наиболее знаменательные вехи на боевом пути полка.

За годы войны летчики, штурманы, стрелки-радисты полка разрушили сотни вражеских объектов, опорных пунктов, уничтожили много техники, живой силы, сбили десятки самолетов противника. Годы совместной боевой жизни спаяли коллектив узами крепкой дружбы, которая выручала нас в тяжелые минуты, смягчала горечь утраты боевых товарищей.

О своих однополчанах, их мужестве и отваге, боевых делах в годы войны я и написал в этой книге. А еще мне хотелось рассказать нашей молодежи о профессии летчика-бомбардировщика. [3]

В авиацию

Коренастый немолодой мужчина, в военной форме, с двумя прямоугольниками на петлицах, — военком Кировского района Ленинграда — испытующе посмотрел на меня, потом взял со стола исписанный листок бумаги.

— Ваше заявление? Во флот проситесь? Плавали раньше? — задавая один за другим вопросы, военком чуть насмешливо щурил глаза. Казалось, он хотел сказать: «Знаю, вижу тебя насквозь. Мальчишество. Начитался приключенческих романов и мечтаешь о море».

— Н-нет... Не плавал. Но хочу служить только во флоте.

Я хотел объяснить все четко, по-военному, держа руки по швам. Но от волнения запинаясь, говорил что-то невнятное и, к своему ужасу, отчаянно жестикулировал.

Нет, я не умел рассказать о своих мечтах...

Море... Всегда, кажется, оно было в моих мыслях. Часто бессонными ночами думал о нем. Стоило закрыть глаза — и вставали пенные гребни волн, матросы, бесстрашно взбирающиеся по вантам; я слышал свист ветра в снастях судна, отрывистые команды. Видел ледоколы, прокладывающие путь к полюсу; безбрежную, сверкающую под ослепительными лучами солнца гладь южных морей, коралловые атоллы, затерянные в океанах необитаемые острова...

Мальчишеские мечты! Пусть мальчишеские. Но они превратились в цель. В 1939 году я пошел учиться в Ленинградский институт инженеров водного транспорта, и, [4] успешно выдержав экзамены, был принят на судоводительский факультет. Правда, учиться не пришлось. Началась война с белофиннами. На фронт ушли многие мои товарищи.

Проходил набор добровольцев. Я тоже подал заявление и вот теперь стоял перед военкомом, проклиная свою стеснительность.

— Комсомолец?

— Да.

— Ну, если комсомолец, должен понимать. Сейчас нам нужны кадры грамотных авиационных специалистов. Этого требует Родина, партия, интересы народа. Предлагаю идти во флот, но не в морской, а воздушный. В бомбардировочную авиацию.

Нет! Не понимал меня этот человек!

Словно прочитав мои мысли, он улыбнулся и предложил:

— Садитесь.

Я присел на край стула.

— Ведь я летчик-испытатель по специальности, — задумчиво проговорил военком. — С Чкаловым вместе учился. Потом бомбардировщики испытывал. Да вот в прошлом году врачи запретили летать — сердце пошаливает. И пришлось, как моряки говорят, на земле якорь бросить. А тянет в воздух.

Увлекательное дело авиация, скажу вам по совести, — в голосе его зазвучали теплые нотки, — особенно бомбардировочная. Вы, например, если дадите согласие, будете учиться в школе, получите специальность, а потом летать... Летать! Научитесь стрелять и бомбить цели, овладеете радиосвязью. В бомбардировочной авиации много специальностей. Можно стать летчиком, штурманом, стрелком-радистом или механиком, техником — выбирайте, что хотите. Самолеты сейчас новые, скоростные, оснащенные замечательным оружием, приборами. Это все чрезвычайно интересно! Вы ведь любите моторы, машины?

— Очень.

— Я так и думал. Поразмыслите над моим предложением. А завтра сообщите, согласны или нет...

Военком встал, давая понять, что разговор окончен.

Я потоптался на месте, потом неуклюже повернулся и пошел к двери. Мысли смешались. Рассеянно, невпопад [5] отвечал я на жадные вопросы товарищей, ожидавших очереди у дверей. Родине нужны авиационные кадры... Что ж, пойду в авиацию! Буду летать. Главное — быстрее на фронт.

В полку

Но летать пришлось не скоро. Я был направлен в школу младших авиационных специалистов, которая готовила мастеров авиационного вооружения. Мы, курсанты, обслуживали боевые вылеты полка, стоявшего у нас на аэродроме. Конечно, это было далеко от непосредственного участия в боях, но все же... Особенно нравилось мне помогать техническому составу подвешивать бомбы на самолеты. С интересом прислушивался я и к разговорам летчиков. Посадив самолет после боевого вылета, они возбужденно делились впечатлениями: говорили о «виражах», «зенитках», «боевом курсе», «разворотах» и о многом другом, большей частью непонятном. Переспрашивать я стеснялся, но слушал, не упуская ни одного слова. Летчики, штурманы, стрелки-радисты казались мне людьми необыкновенными.

Уже тогда появилась у меня новая мечта — летать на самолете. Я жалел, что не попросился в школу летчиков, штурманов или стрелков-радистов.

Мысленно я сравнивал море с безбрежным воздушным океаном, а морские корабли — с парящими в голубой выси самолетами. Воздушный флот. Да, это — флот. И с морским у него много общего. Так же как и на корабле, на самолете есть штурман. Он прокладывает курс, по приборам ведет самолет ночью, в тумане, за облаками. Летчик, как капитан корабля, управляет машиной в воздухе. На военном судне есть артиллеристы, радисты. А на самолете эти специальности сочетает в себе один человек — воздушный стрелок-радист. Военный корабль — это машина, которой управляют сотни людей. Бомбардировщик — это тоже грозная машина, а вот власть над ней имеют всего несколько человек — экипаж самолета...

Весной 1940 года меня направили в полк на должность мастера авиационного вооружения. Война с белофиннами в то время закончилась, и полк занимался боевой учебой. Летные дни сменялись занятиями в классе и на аэродроме. Часто объявлялись учебные тревоги. Тогда мы [6] подвешивали на самолеты бомбы, устанавливали пулеметы, и полк поднимался в воздух — летел на полигон бомбить «противника».

Меня назначили в экипаж старшего лейтенанта Уса. Это был высокий худощавый человек, замкнутый и неразговорчивый. Он был очень некрасив. На тонкой шее — большая голова. Лицо изъедено оспой. Резко выделялся нос, длинный и тонкий, загнутый книзу, как у хищной птицы. По внешнему виду казалось, что он очень желчный и раздражительный. Но когда я ближе узнал командира, то убедился — человек он был добрый и справедливый.

Старшему лейтенанту я обязан многим. Он учил меня работать быстро, аккуратно и, что особенно подкупало, учил не нотациями, а личным примером. Помню однажды после объявления боевой тревоги я подвешивал на самолет бомбы. Раскрыл тару, подтащил пятидесятикилограммовые «фугаски» к самолету, стал устанавливать лебедку. Командир издали наблюдал, а потом подошел ко мне.

— Времени много тратите, — сказал он. — Можно и без лебедки подвесить. Смотрите.

Он легко подхватил бомбу, взялся правой рукой за стабилизатор и, поддерживая бомбу левой рукой, направил по стойке держателя. Сухо щелкнул замок — бомба была подвешена.

Я попробовал сделать так же — не получалось: одной рукой держать бомбу было трудно.

— Двумя надо, — коротко заметил старший лейтенант.

— А вы же одной?

Вместо ответа он доказал левую руку. Глубокий шрам прорезал ладонь, пальцы скрючены.

— Под Выборгом, — коротко пояснил командир.

В этот день я подвесил бомбы быстрее, чем это сделали мои товарищи, работавшие на других самолетах. В другой раз старший лейтенант помог мне быстро пристрелять пулеметы.

— Сноровка нужна в каждом деле, — учил он. — А у нас, в бомбардировочной авиации, тем более. Во время войны некогда будет долго возиться с пристрелкой или подвеской бомб. Вылеты на бомбометание рассчитаны до одной минуты. [7]

Стрелок-радист старшина Афанасьев внешне совсем не был похож на командира. Стройный, гибкий, всегда веселый, он как-то сразу завоевывал симпатию. Всякая работа спорилась в его руках: будь то рытье укрытий для самолетов, чистка пулеметов или настройка радиостанции. Любил старшина шутку, а еще больше песни. Вечерами его часто можно было видеть в кругу товарищей с гитарой. В общезнании звенели раздольная русская песня или веселые, забористые частушки.

Афанасьев был буквально влюблен в свою специальность. Приемом и передачей на радиостанции владел в совершенстве, стрелял отлично. К нам, техникам, мотористам и оружейникам, относился слегка иронически. Каждый раз, когда самолет после полета заруливал на стоянку, старшина легко выпрыгивал из кабины, и, отстегивая парашют, шутил:

— Ну, как здесь дела на земле? Не «болтает»?

Однажды, почистив пулеметы, мы с Афанасьевым лежали [8] под крылом самолета и неторопливо перебрасывались фразами. Он рассказывал, как еще в средней школе увлекался радиodelом, сам сконструировал коротковолновый радиоприемник. И тут же принялся чертить палочкой на земле простейшую схему приемника.

Мне это было знакомо. Я также занимался радиodelом и хорошо понимал все, о чем говорил старшина. Один раз даже поправил его.

— Тебе бы, парень, надо на стрелка-радиста учиться, — заметил Афанасьев.

Я начал длинно и путано рассказывать, как мечтал раньше о море, а сейчас мечтаю о полетах.

Старшина слушал внимательно, покусывая травинку, изредка поглядывая на меня. Когда я закончил, неожиданно предложил:

— Приходи-ка вечером в радиокласс. А потом, если из тебя выйдет толк, можно будет попросить командира, чтобы перевел в стрелки-радисты.

Я с радостью согласился.

В тот же вечер я старательно выстукивал телеграфным ключом точки и тире. Афанасьев сердился:

— Не так нужно. Ты послушай, как звучат цифры и буквы. Вот, например, цифра «два»: «Я-на-гор-ку-шла».

Я прислушивался. Действительно, зуммер издавал звуки, очень похожие на слова, которые скороговоркой произносил Афанасьев. Многие цифры и буквы сразу запоминались на слух. Буква «ф» звучала, как «тетя Катя», цифра «семь» — как «дай, дай закурить».

Часа через два Афанасьев отключил батарею и объявил:

— На сегодня хватит. Не особенно важно, но все-таки ничего...

Уже через месяц я сравнительно сносно принимал и передавал радиogramмы, мог настроить передатчик и приемник.

Как-то утром, когда начались учебные полеты по кругу и в зону, старшина сказал мне:

— Успехи у тебя в теории неплохие. Теперь нужно попробовать воздух. Попроси командира эскадрильи, может быть разрешит полетать в учебном самолете, в кабине радиста. Объясни, в чем дело.

Подумав немного, добавил:

— Сходи сейчас. [9]

Воздух

Самолет шел на посадку. Метрах в пятидесяти, за полотнищами, выложенными в виде огромной буквы «Т», его «поддуло» ветром, он чиркнул о землю правым колесом, чуть не задев ее плоскостью, взвился, как норовистый конь, и, коснувшись земли тремя точками, побежал по аэродрому подпрыгивая. Зарулив к старту, летчик подошел к командиру эскадрильи с рапортом. Я узнал лейтенанта Косыгина.

— Как садишься, лейтенант? Плохо садишься! — сердито перебил его капитан Сулиманов.

Обычно спокойный и уравновешенный, капитан в минуты раздражения переходил на «ты», начинал говорить быстро, резко, с восточным акцентом.

— Ветер был?

— Был, товарищ капитан.

— Почему не учел ветер? Почему крен не дал? Почему «козла» делал?

— Виноват, товарищ капитан, не рассчитал.

— Не рассчитал? — все сильнее раздражался командир. — Машину угробишь, людей угробишь, потому что учиться не хочешь!

Лейтенант молчал, чувствуя свою вину.

— Сделаете еще пять полетов по кругу с инструктором, — уже спокойнее, отчеканивая каждое слово, сказал командир. — Летать самостоятельно не будете до тех пор, пока не научитесь отлично садиться. Если еще раз совершите такую посадку, от полетов отстраню!

Капитан резко повернулся и заметил меня.

— Вам что?

«Не вовремя», — мелькнула мысль. Но отступить было поздно.

Волнуясь, стараясь быть как можно более кратким, я изложил свою просьбу и старался угадать по его лицу — разрешит или не разрешит?

Но капитан не разрешил.

— Зайдите ко мне вечером, — коротко бросил он и посмотрел вверх, отыскивая глазами взлетевший самолет...

И вот я в кабинете командира эскадрильи. Кивнув на стул, он продолжал что-то доказывать по телефону. Я понял, что капитан говорит со штабом полка. Украдкой рассматривая [10] его, я стал вспоминать все, что знал и слышал об этом человеке.

Во время войны с белофиннами он командовал звеном бомбардировщиков. На левой стороне груди золотом с эмалью поблескивал орден Красного Знамени. Рассказывали, что в один из боевых вылетов самолет капитана был сильно задет снарядом зенитной артиллерии. Он приказал по радио ведомым пристроиться к командиру эскадрильи и, выйдя из строя, все же зашел на цель, сбросил бомбы и только тогда, на одном моторе, с поврежденным рулевым управлением, сам раненный в руку, повернул назад, перешел линию фронта и хорошо посадил самолет на ближайшем аэродроме.

Я знал, что командир строг. Он редко шутил и улыбался, требовал точности, порядка во всем и не прощал случаев недисциплинированности и небрежности. Однажды одному из механиков капитан сделал

замечание за то, что у него разбросан инструмент. А в другой раз, когда у этого же механика обнаружил грязные части мотора, объявил десять суток ареста.

Командир был немногословен. Приказания отдавал краткие, четкие и не любил, чтобы его переспрашивали.

В душе я побаивался его.

«Окончит разговор, — думал я, — и начнет распекать за то, что суюсь не в свое дело».

Но так не случилось. Положив трубку на рычаг аппарата, командир несколько секунд смотрел на меня молча, а потом стал спрашивать, откуда я родом, кто мои родители, где учился.

Я отвечал сначала односложно, но постепенно разговорился. Минутная стрелка прошла уже половину циферблата больших стенных часов, а я все еще рассказывал о своих мечтах, о море, об учебе в школе младших авиационных специалистов.

Опять зазвонил телефон. Капитан что-то коротко ответил и положил трубку.

— Продолжайте.

Но мне почему-то уже не хотелось говорить. Все сказанное казалось ненужным, и я досадовал, что отнял у командира столько времени.

— Хочу летать, хочу быть стрелком-радистом, — коротко закончил я.

Капитан помолчал. [11]

— Не буду говорить: молодец, мол, правильно. Другое скажу: трудно придется, может быть сначала очень трудно. Но надо так: раз решил, это должно быть прочно. — Он вопросительно посмотрел на меня. Я кивнул головой.

— Самолеты наши вы уже знаете, — продолжал капитан. — Это — богатая боевая техника. Она дана в руки экипажа. Вы хотите быть членом экипажа. Значит, надо любить эту технику всей душой, хорошо выполнять задания. Это большая честь быть членом экипажа бомбардировщика. Помните об этом...

Командир встал из-за стола, прошелся по комнате.

— Послезавтра будете летать, — сказал он. — Задание получите у начальника связи. А затем начнете регулярно посещать занятия группы стрелков-радистов. Когда подготовитесь, сдадите зачеты. После этого будем говорить о зачислении вас в экипаж.

Из кабинета я вышел окрыленный и, кажется, спускаясь по лестнице, разговаривал сам с собой, потому что встретившийся техник остановился и удивленно посмотрел мне вслед...

Наконец наступил день полетов. Встал я раньше всех, первым сел в автомашину, первым и выскочил из нее, когда приехали на аэродром. Летчики, штурманы, стрелки-радисты, зная, что сегодня я впервые поднимусь в воздух, подтрунивали надо мной, спрашивали, написал ли я завещание, советовали запастись валериановыми каплями...

Начало было великолепным. Я с интересом смотрел вниз на убегающую землю, смешные кубики домов, стараясь определить, какие из них наше общежитие, столовая, летное здание, и не мог — домики были похожи друг на друга.

Через несколько минут начались злключения, о которых и сейчас вспоминаю со стыдом. Я никак не мог наладить связь с землей по радио. Кричал до хрипоты в микрофон, с яростью крутил ручки приемника и, к своему ужасу, убеждался, что среди хаоса звуков не могу найти свою станцию.

Потом стало еще хуже. Самолет, сделав четыре круга над аэродромом, пошел в зону пилотирования. И началось... Боевые развороты, спирали, скольжение, полет на одном моторе, крутое планирование... Меня бросало от [12] борта к борту, прижимало к сиденью, поднимало к потолку. Земля вдруг почему-то принимала форму вогнутой чаши, качалась, оказывалась сбоку самолета. Я сидел весь в холодном поту, борясь с подступающей тошнотой.

Только перед посадкой мне удалось поймать свою наземную радиостанцию. Оказалось, что и усилий-то для этого не нужно было: наша станция забивала все остальные, следовало только уменьшить громкость, чтобы звук стал разборчивее. Я очень обрадовался, услышав монотонный голос, устало повторявший позывные нашего самолета, — наземному радисту, видно, надоело меня вызывать. Ответить я не успел — самолет заруливал на старт.

Но мои злключения на этом не кончились. На старте не оказалось ни одного радиста. Мы должны были летать по очереди, но товарищи, видимо, решили сыграть со мной шутку и все ушли. Предстояло вновь подняться в воздух. Чувствовал я себя прескверно. Однако сказать об этом инструктору побоялся, да он и не обращал на меня внимания. На этот раз я кое-как установил связь, но больше ни на что не был способен. Меня до того укачало, что я потерял интерес ко всему и думал только о том, как бы скорее очутиться на земле. А ведь предстояло еще два полета!

В довершение всех несчастий в последнем полете, неуклюже повернувшись, я зацепился за что-то кольцом парашюта и раскрыл его. Гладкий шуршащий шелк быстро расползся по кабине, надулся парусом, грозя выскочить в верхний люк и вытащить меня за собой. Пришлось мне лихорадочно собирать его, торопливо запихивать в чехол, стягивать резинками.

После окончания полетов я с трудом вылез из кабины, твердо уверенный, что меня больше и близко не подпустят к самолету. Но командир эскадрильи понимающе посмотрел на мою постную физиономию, выслушал сбивчивый рапорт и сказал:

— Бывает. В следующий раз будете чувствовать себя в воздухе лучше. Сегодня я нарочно отпустил всех радистов со старта, чтобы полетали побольше.

И строже добавил:

— А с парашютом надо обращаться осторожнее.

Вечером меня утешал Афанасьев:

— Ничего. Со мной тоже так было. В первые полеты [13] очень плохо себя чувствовал. И уж, грешным делом, подумывал забрать в охапку все эти телефоны-микрофоны и дать отбой. Но ребята отговорили. И правильно сделали. Я до сих пор им благодарен.

Воздушный стрелок-радист

Но неожиданно моя учеба прервалась. Началась Великая Отечественная война. Шли кровопролитные бои. В воздухе день и ночь гудели самолеты. Сначала где-то далеко на западе, а потом все ближе и ближе. Земля испуганно вздрагивала от разрывов. Черные клубы дыма низко стлались над степью, поднимались над зубчатой кромкой леса. Тяжело ухали орудия, часто стучали малокалиберные зенитки, стрекотали пулеметы...

Недалеко от аэродрома, на железнодорожной станции, горели постройки и бензосклады. Высоко в безоблачное небо вздымались языки пламени. А над ними, словно пчелиный рой, кружились вражеские самолеты, высматривая цели, чтобы сбросить на них смертоносный груз.

Часто фашисты бомбили и наш аэродром. Обычно группа «Юнкерсов» появлялась рано утром. Самолеты становились в круг и, пикируя один за другим, сбрасывали бомбы. Наши самолеты были замаскированы в земляных укрытиях, так что налеты приносили мало вреда. Все же ощущение во время бомбежек было далеко не из приятных. Особенно действовал на нервы пронзительный вой сирен, установленных на вражеских самолетах. Однако скоро к ним привыкли, а потом даже научились определять, где разорвутся бомбы.

В то время каждый из нас мечтал сбить самолет врага. На окраине аэродрома мы установили турель с пулеметом, снятым с разбитого самолета, замаскировали свою огневую точку и по очереди дежурили возле нее. При появлении «Юнкерсов» дружно вели огонь. Однако, как ни старались, сбить самолет не могли. Определенная польза от нашей стрельбы все же была: видя пулеметные трассы, фашистские летчики спешили быстрее сбросить бомбы и убраться восвояси. Вражеские самолеты уже не висели подолгу над аэродромом.

В начале войны на наш аэродром села эскадрилья истребителей, которая вела непрерывные бои с первого дня [14] вероломного нападения фашистов. Многие самолеты имели повреждения. Мне приказали осмотреть и привести в боевую готовность вооружение на самолете майора, командира эскадрильи. Я принялся за работу. Майор сам помогал мне. Мне нравилось его лицо. Черные волосы тронуты сединой, у глаз лучики морщин. Глубокая складка между бровями прорезала широкий лоб. Взгляд усталых, воспаленных глаз строг. Видно, этот человек не спал ночь, может быть, не одну. Комбинезон прожжен в нескольких местах. Под ним я заметил два ордена и несколько медалей. Майор спешил и работал с ожесточением, сбивая в кровь руки и не обращая на это никакого внимания. Капот мотора был пробит осколками в нескольких местах, пушка и два пулемета не стреляли — гарь, копоть образовали на металле плотную корку, заклинив детали. Лишь два пулемета работали хорошо.

— Нужно почистить, — сказал я.

— Снимай! — коротко приказал майор.

Мы сняли два пулемета и пушку. Быстро разобрали их и принялись оттирать пороховой нагар. Это удавалось плохо и раздражало майора.

— Пусть части полежат в бензине минут пятнадцать, потом легко отчистятся, — предложил я.

— Некогда, — сказал он.

В это время над аэродромом появились фашистские истребители. Их было много.

— Закрывай капот! — быстро скомандовал майор.

— Как? А пулеметы?—со страхом спросил я.

— Живей!

Он быстро прыгнул в кабину и запустил мотор. Самолет прямо со стоянки понесся по аэродрому, набирая скорость. Трижды на взлете отказывал мотор, но каждый раз, зачихав, снова начинал тянуть, словно понимал; какие надежды возлагает на него летчик.

Маленький, юркий истребитель быстро набрал высоту. Через несколько минут мы услышали частые пулеметные очереди. Бой был неравным. Пока подоспели [15] на помощь наши самолеты, смельчака атаковали уже четыре стервятника. Но он, изловчившись, зашел в хвост одному из них, и «Мессершмитт» вспыхнул. Недолго длилась схватка. Фашистам удалось поджечь самолет. Летчик не выпрыгнул с парашютом, он бесстрашно направил горящую машину в гущу врагов, продолжая стрелять по фашистским самолетам...

Я так и не узнал его фамилии. Сильный, смелый, презирающий смерть — таким он запомнился мне навсегда. Часто в трудные минуты образ этого летчика вставал перед глазами и словно требовал: «Не бойся врага, бей его крепко, не давай пощады...»

Настали и для нашего полка дни боевой страды. Старшина Афанасьев сбил два фашистских истребителя, но и сам получил тяжелые ранения. Экипаж капитана Сулиманова разбомбил крупное скопление танков противника, поджег два эшелона с боеприпасами. Старший лейтенант Дельцов со штурманом Козленко сразу завоевали себе славу замечательных разведчиков. Они делали в день по три-четыре вылета, доставляя в штаб ценные сведения о противнике, успешно фотографируя сосредоточения вражеских войск и техники. В один из вылетов они выдержали неравный бой с вражескими истребителями и совершили вынужденную посадку на территории, занятой врагом. Через неделю отважные разведчики перешли линию фронта и привели с собой пленного гитлеровца, а спустя день снова вылетели на боевое задание.

Много приходилось работать и нам: техникам, механикам, авиаспециалистам. Часто не только днем, но и по ночам мы ремонтировали моторы, чистили оружие, готовили боеприпасы, подвешивали бомбы. Но я мечтал летать. Попробовал напомнить командиру эскадрильи о его [16] обещании, но тот только рукой махнул в ответ. Я понимал — ему не до меня.

В полку были большие потери. Самолетов, пригодных к боевой работе, осталось меньше половины. И вот приказ — выехать в тыловой город для переформирования и получения материальной части.

Началась боевая учеба. Полк получил новые самолеты. Это были скоростные пикирующие бомбардировщики.

Самолет имел скорость около пятисот километров в час, мог поднимать в воздух тысячу килограммов бомб, которые подвешивались в бомболуки, мотогондолы и под центропланом. Новые машины были оснащены пятью пулеметами, могли быть в воздухе более трех часов.

Прибыли летчики, штурманы, стрелки-радисты. Комплектовались новые экипажи. Я снова обратился к командиру с просьбой зачислить меня стрелком-радистом. На этот раз он согласился и временно назначил меня в экипаж лейтенанта Артемьева. В свободное время я тренировался в приеме и передаче на радиостанции, изучал материальную часть. Особенно любил я кабину стрелка-радиста. Это теперь была моя кабина. Все здесь радовало глаз: вороненые пулеметы, новенькие приемник и передатчик, переговорное устройство, кислородный аппарат, блестящие, покрытые никелем выключатели — тумблеры, бронеплита, установленная наклонно над крупнокалиберным пулеметом, стреляющим вниз и назад. В кабине я мог просиживать часами, пробуя, как работает аппаратура, легко ли поворачивается в турели пулемет, хорошо ли закреплен прицел.

Через месяц я отлично сдал зачеты на воздушного стрелка-радиста и был включен в экипаж старшего лейтенанта Уса. Командовал эскадрильей по-прежнему Сулиманов, ставший теперь майором.

Начальником связи эскадрильи был назначен вернувшийся из госпиталя Афанасьев. Уже через месяц я чувствовал себя в воздухе превосходно. Мог ориентироваться на местности, четко работал на радиостанции, неплохо стрелял по воздушным и наземным целям. И, конечно, с нетерпением ожидал приказа о вылете на фронтовой аэродром. Все мы жили в то время одной мыслью — быстрее принять участие в боях.

Приказ был получен скоро. По боевой тревоге полк поднялся в воздух. Сделав прощальный круг над аэродромом и набрав высоту, самолеты взяли курс на запад. [17]

Первый боевой вылет

Передо мной, сколько может видеть глаз, — заснеженное поле фронтового аэродрома. В блеклом, быстро меркнущем зимнем небе появляются черные точки — с боевого задания возвращается эскадрилья.

Самолеты идут на посадку. Только один почему-то не торопится, тревожно кружится над аэродромом.

Пилот радирует на землю о том, что не выпускаются шасси. Следует команда по радио — садиться «на живот» в стороне от посадочной полосы. Вот уже, вздымая снежный вихрь, самолет коснулся земли. И мгновенно запылал мотор, охваченный прозрачными языками пламени. Все, кто был на аэродроме, устремляются к самолету. Через несколько минут огонь потушен. Санитары вытаскивают из кабины стрелка-радиста. У него бессильно запрокинута голова, в лице — ни кровинки. А рядом, несмотря на тридцатиградусный мороз, сбросив шлемофоны и расстегнув воротники, пилот и штурман, еще не остыв после боя, возбужденно рассказывают о воздушном поединке...

На следующее утро мы получили задание — разбомбить скопление эшелонов на железнодорожной станции, удаленной от линии фронта.

Мороз крепкий. Высунешь голову из кабины — струя воздуха обжигает лицо, моментально мертвеет кожа, то и дело приходится оттирать нос и щеки перчаткой.

Идем плотным строем. Во главе эскадрильи — командир полка подполковник Соколов. В первом звене слева от него — майор Сулиманов, справа — наш самолет.

Флагманский стрелок-радист старшина Казаков держит связь микрофоном с истребителями прикрытия и передает команды группе самолетов. Мое задание — держать связь телеграфом с аэродромом вылета.

Связь устанавливаю быстро, передаю, что группа легла на курс, и, перестроившись на волну ведущего, начинаю слушать.

Внизу, под самолетом, белоснежный искрящийся ковер. Слева по курсу, в долине, — небольшая деревенька. Над спичечными коробками домиков неподвижно застыли в морозном воздухе тоненькие

струйки прозрачно-голубого дыма. Их много. Деревенька проснулась. Люди затопили печи. И, наверное, смотрят сейчас на наши самолеты, машут руками, желая удачи... [18]

Подходим к аэродрому истребителей. Нашу группу должны сопровождать два «яка». Я вижу их, медленно ползущих по аэродрому, похожих на больших шмелей. Командир передает команду истребителям — догонять группу и, не дожидаясь их взлета, берет курс на цель.

Вот и линия фронта. Изломанные линии траншей хорошо заметны с воздуха. Масса воронок. Некоторые из них овальные — это воронки от артиллерийских снарядов, другие с разорванными краями — от мин. Исковерканная полоса земли, шириной в несколько километров, кажется мертвой. Но это не так. Там, внизу, глубоко зарывшись, сидят сотни людей. Может быть, в эту минуту они ожидают сигнала, чтобы ринуться на врага.

Над линией фронта нас встречает тишина. Со стороны гитлеровцев — ни одного выстрела, вероятно, не хотят открывать расположение зенитных батарей. Теперь уже все стрелки-радисты высовываются из кабин по пояс, внимательно осматривая безоблачное небо. наших истребителей почему-то не видно. До самой цели летим спокойно. Наконец, под нами станция. На путях стоят два эшелона, третий дымит на подходе, за несколько километров. Командир принимает решение бомбить станцию звеньями: два звена сбрасывают бомбы на эшелоны, стоящие на станции, третье — на тот, что подходит. Казаков передает команду по радио, и эскадрилья перестраивается. Впереди, ниже нас вспыхивают разрывы зенитных снарядов — заградительный огонь.

— Прицеливайся тщательнее и главное не спеши, — говорит штурману старший лейтенант Ус. Зенитные разрывы вспыхивают ближе. Черные клубы дыма появляются между самолетами и долго плывут в воздухе, медленно тая. Один снаряд разрывается совсем близко от нас. Хорошо видно пламя разрыва. Бьют крупнокалиберными. Противник начинает пристреливаться. Снизу бегут к самолетам разноцветные трассы: белые, красные, зеленые. Это с эшелонов трассирующими пулями стреляют пулеметы. Чувство неприятное: кажется, возьми левее — и прошьют насквозь.

Отрываются бомбы. Я смотрю, как, качая головками, стайки их стремительно несутся вниз.

— Есть! — радостно кричу летчику.

Бомбы разорвались на путях между эшелонами. Некоторые [19] из них угодили прямо по вагонам. Вспыхивает яркое пламя, дым пеленой застилает станцию.

Далеко позади появляются два истребителя. Они быстро приближаются.

«Наши истребители догнали», — думаю я.

Когда эскадрилья последний раз разворачивается, истребители неожиданно появляются над строем. Я вижу обрубленные концы крыльев, черные кресты на плоскостях и свастику на хвосте.

— Стреляй! — во весь голос кричу штурману.

— Спокойно, без паники! Стрелять прицельно! — раздается властный голос командира.

«Мессершмитты» расходятся в разные стороны.

По радио звучат команды:

— Пристраивайтесь быстрее. Отражать атаки всем.

Я торопливо выстукиваю на ключе: «...Встречены двумя истребителями противника».

Теперь уже никто не обращает внимания на зенитные разрывы. Взгляды всех прикованы к истребителям со свастикой. Они атакуют отставшее от строя звено лейтенанта Леонтьева. Один «Мессершмитт» стреляет издалека — видно, боится огня наших пулеметов. Он отворачивает в [20] сторону и набирает высоту, чтобы ринуться в атаку. Другой нахальнее: он атакует снизу самолет командира звена, не обращая внимания на огонь, который ведут радисты.

Два самолета быстро сближаются. Мне очень хорошо видно их в боковое окно кабины. Власов почему-то не стреляет.

— Стреляй же, стреляй! — кричу я, словно радист может меня услышать.

Первым стреляет фашист. Я вижу, как трассы от его пулеметов уходят под живот самолета Леонтьева. Чуть позже открывает, наконец, огонь Власов. Очередь длинная, он стреляет в упор, прямо «в лоб» гитлеровцу. «Мессершмитт» «клюет» и стремительно «несется вниз, оставляя за собой черный шлейф дыма.

— Сбил! Сбил! — радостно кричу я.

— Не кричи, — спокойно говорит летчик. — Внимательно следи за вторым.

Но и самолет Леонтьева подбит — за ним тянется широкая белая полоса. Видно, повреждена водяная система.

Командир полка сбавляет газ, давая возможность Леонтьеву пристроиться к группе. Самолет его прямо под нами, но высоту, видимо, набрать не может. Теперь он под прикрытием огня пулеметов всей эскадрильи.

Второй «Мессершмитт» заходит сверху, атакуя наше ведущее звено. Штурманы стреляют дружно, и гитлеровец близко не подходит. Еще одна атака, на этот раз снизу и сбоку. Я ловлю в прицел самолет и нажимаю гашетку. Вздрагивает, как живое, тело пулемета. Очередь. Еще. Еще. Фашист отворачивает. «Трусись!» — радостно бьется мысль.

Наконец «Мессершмитт» уходит. Леонтьев далеко внизу. Я быстро настраиваю радиостанцию и слышу его позывные! Власов передает, что самолет идет на вынужденную посадку в районе населенного пункта Н. Я представляю себе Власова — невысокого плотного крепьша, собранного и неторопливого. Сейчас, наверное, летчик высматривает площадку, чтобы посадить самолет. Может быть, даже ее нет, и самолет сядет на изрытое снарядами поле, а Власов спокойно работает на радиостанции...

Знакомое поле аэродрома. Теперь уже я не чувствую мороза. Сдвинул на лоб очки, расстегнул меховой комбинезон. Жарко. К самолету командира собирается весь летный [21] состав. Говорим все сразу, перебивая друг друга. Первый вылет мне кажется очень удачным. Ведь сбит истребитель противника, подорваны эшелоны на железнодорожной станции. Впрочем, не все так думают. Командир полка суров, неразговорчив. Выйдя из самолета, он на ходу сбрасывает парашют и спешит на радиостанцию. Леонтьев благополучно совершил посадку, самолет цел.

Вечером наш связной самолет привез экипаж Леонтьева. Все жмут руку Власову, поздравляют со сбитым самолетом. Он застенчиво улыбается.

Прилетел командир дивизии. Немолодой высокого роста полковник подробно расспросил каждую из нас и начал разбор. Мелом на большом листе фанеры начертил схему нашего полета, отметил успешное бомбометание в первом заходе. Остальное, по его словам, было плохо. Он убедительно, на фактах, доказал, что строй самолетов при атаках истребителей у нас был неправильным, стреляли мы не прицельным огнем, а только старались отпугнуть противника, не умеем определять расстояние до цели по прицелу.

— Серьезная ошибка группы в том, что она ушла на задание, не взяв истребителей прикрытия. Если бы не это, вы не потеряли бы одного самолета, вылет был бы более успешным, — закончил он.

Я сидел весь красный, боясь поднять глаза. Мне казалось, что большинство обвинений относится ко мне. В заключение командир потребовал от нас в свободное от полетов время овладевать теорией, изучать опыт летчиков, штурманов, стрелков-радистов, накопленный за время войны.

— Надо идти по пути роста, неустанно совершенствовать боевое мастерство, — сказал он.

Эти слова, не один раз слышанные раньше, сейчас прозвучали по-новому, как боевой приказ.

Учеба

В один из первых боевых вылетов погиб экипаж лейтенанта Джибладзе. Случилось это так. Перед бомбометанием к группе бомбардировщиков пристроились два истребителя. Один из них подошел совсем близко, и все успели рассмотреть, что это «як» с красными звездами на [22] крыльях. Истребитель набрал высоту и, неожиданно перейдя в пикирование, выпустил длинную очередь по самолету Джибладзе. Бомбардировщик сразу же завалился на крыло и стал падать. Он взорвался, врезавшись в землю. Никто из экипажа не успел выпрыгнуть.

Все это произошло так быстро, что только некоторое время спустя я понял: на захваченном нашем самолете летал вражеский летчик.

Истребитель резко взмыл вверх и круто развернулся. К нему пристроился другой самолет. Теперь было хорошо видно, что этот другой — «Мессершмитт».

Потом началась полная неразбериха. Строй рассыпался. Бомбы были сброшены беспорядочно и мимо цели. Радисты и штурманы вели огонь из пулеметов по истребителям противника, но он не мог быть сколько-нибудь эффективным — самолеты мешали друг другу. У меня при стрельбе произошла задержка. Я решил перезарядить пулемет. В кровь побивал себе руки, ругался и скрипел зубами, но почему-то ничего не получалось.

На земле произошла вторая беда. Пытаясь устранить неисправность, я неожиданно выстрелил из пулемета. Пуля угодила прямо в стойку хвостового колеса, пробив ее насквозь.

— Мальчишка! Тебе за мамину юбку держаться, а не из пулемета стрелять! — рассердился командир. — Самолет вывел из строя, убить кого-нибудь мог. Под суд за такие дела отдавать надо!

Я стоял молча, потупив голову, и чуть не плакал.

Через полчаса летный состав собрался у самолета командира эскадрильи. Расселись на ящиках из-под бомб. Не слышно было обычных шуток, оживленного разговора.

Сулиманов говорил отрывисто, резко:

— Бдительность совсем теряли, паника поддавались. Не сделали выводов из первого боевого вылета. По приказанию командира полка завтра учиться будем, по маршруту полетим, на полигоне бомбить и стрелять будем. А сейчас всем теорией заниматься...

Начались занятия. Командир учил летчиков, как правильно перестраиваться в воздухе при ведении огня из пулеметов: если истребители противника атакуют группу наших самолетов снизу, звенья смыкают строй и перестраиваются так, чтобы ведомые были выше ведущего; если же атаки ведутся сверху, то ведомые становятся ниже. [23]

При таком порядке самолеты не мешают друг другу, сектор обстрела увеличивается, можно всем одновременно вести огонь.

Нас, стрелков-радистов, старшина Афанасьев учил определять расстояние до цели на глаз и по прицелу. Потом занялись изучением пулемета и правил воздушной стрельбы.

— Некоторые теорию знают хорошо, а на практике даже самой простой задержки не могут устранить в воздухе, — начал старшина. — Грош цена таким стрелкам...

Намек был слишком прозрачным...

Афанасьев придирчиво спрашивал о возможных задержках, заставлял нас тут же по нескольку раз показывать, как быстро их устранить.

— Шабаш, — наконец сказал он, когда совсем стемнело. — Можно идти ужинать.

Мы направились в столовую.

— Придумали учиться сейчас, — недовольно ворчал по дороге сержант Киселев. — Бензин жечь, боеприпасы расходовать. Воевать надо, а не академии открывать. Лучше бы эти бомбы и патроны на врага расходовали.

— Шарика у тебя не в ту сторону вертятся, — оборвал его старший сержант Тихонов. — Голову тебе быстро снимут, если не будешь уметь стрелять или не узнаешь самолет врага, как это было с Джибладзе. — Так этот же гад на нашем самолете летает! Как же его узнаешь?

— Надо узнавать. Не так уж трудно. Разве будет наш истребитель заходить на группу своих самолетов сверху? Он сзади должен идти и в стороне. А мы все рты пораскрывали...

— Тихонов правильно говорит, — вмешался в разговор Афанасьев. — Учиться надо все время. Для этого бензина и боеприпасов не жалко. Зато уж врага будем бить крепко, наверняка. И хитростью нас никакой не возьмешь.

Ранним утром следующего дня начались учебные полеты. Летели на этот раз не на запад, а на восток. Часто меняли курс, высоту, маневрировали. Бомбы сбрасывали на полигоне с пикирования. В круг попали только бомбы экипажа командира эскадрильи. Остальные бомбили неважно. Я видел разрывы даже в лесу. Затем стреляли по наземной цели — настоящему «Юнкерсу-88». Немецкий [24] летчик посадил подбитую машину недалеко от нашего аэродрома. С самолета сняли все оборудование, моторы, вооружение, остался один разбитый планер. С земли огонь стрелков корректировали по радио.

— Неправильно упреждение берешь, — передавали мне. — Пули ложатся впереди цели.

Я учел ошибку.

— Теперь хорошо, — услышал я. — Делай короче очереди.

Едва самолеты сели и техники заправили их горючим — снова команда на вылет. Поднимаемся в воздух. Стрелка высотомера медленно ползет по шкале. Четыре тысячи, пять тысяч метров. Я надеваю кислородную маску. Дышать становится легко. Под нами проплывает знакомый, примелькавшийся ландшафт: широкие поля, перемежающиеся с лесными массивами, извилистые речки, неглубокие овраги. Идем вдоль шоссе на дороге. Сверху она кажется узенькой ленточкой. На ней движущиеся точки, похожие на муравьев. Я считаю их и передаю на землю радиogramму о движении колонны «противника». Семь тысяч метров. Дальше по шкале стрелка ползет очень медленно. Нужно несколько минут, чтобы она продвинулась на одно деление. Семь тысяч двести метров. Это уже потолок для нашего самолета с бомбовой нагрузкой.

Маршрут пройден. Командир переводит самолет в крутое планирование. От резкой перемены давления в ушах невыносимо ломит. Я вспоминаю советы нашего полкового врача и, набрав в легкие побольше воздуха, что есть силы кричу. Боль уменьшается.

— Что случилось? — тревожно спрашивает командир.

— Уши ломит, — отвечаю ему.

— Тьфу, сумасшедший! Этак перепугать до смерти можешь!

Снова заходим на полигон для бомбометания, а затем на стрельбу. Еще несколько минут полета, и мы на аэродроме. Ноги с трудом слушаются, в голове звон, уши словно заложило ватой. Я знаю, что скоро это пройдет. С наслаждением снимаю комбинезон. Хочется растянуться на земле, полежать. Но отдыхать нельзя — надо чистить пулеметы.

Потом разбор полетов. Командир опять недоволен, хотя говорит, что на этот раз мы бомбили и стреляли значительно [25] лучше. Он указывает на ошибки и дает задание на завтра.

И снова учебные полеты. Вечером, усталый, наскоро проглотив ужин, я спешу в землянку. Здесь любители домино уже «режутся» в «козла». Рядом с играющими, разложив на планшете листки бумаги, Власов пишет письмо. А на нарах, поджав под себя по-турецки ноги, продолжают спор неразлучные друзья — Тихонов и Киселев.

— Вот ты стрелял сегодня плохо, значит и фашиста в бою сбить не сможешь, — наставительно замечает Тихонов. — А говоришь: академию открыли. Выходит, нужна академия. И тебе больше, чем другим, надо учиться.

— А ты чем лучше? Стрелял-то тоже не ахти как! — язвит Киселев.

Я уже не слушаю. Веки слипаются, и сон одолевает меня.

Подвиг

Лейтенант Василий Челпанов летал на связном самолете «По-2». Он возил для полка почту, детали для боевых машин, раненых, доставлял боевые приказы и распоряжения — словом, выполнял трудную и незаметную «черновую» работу. Его маленький шустрый «кукурузник» поднимался с аэродрома в любое время дня и ночи.

Подстать самолету был и летчик. Небольшого роста, подвижный и быстрый, лейтенант в воздухе чувствовал себя прекрасно, машину пилотировал мастерски, взлетал и садился в темноте, при дожде и снегопаде.

Летчики нашего полка часто подтрунивали над ним.

— Скажи, Челпанов, почему не выпускаешь тормозные щитки, когда идешь на посадку?

Все знали, что тормозных щитков «По-2» не имеет — посадочная скорость самолета очень невелика.

— Нет, ты лучше расскажи, как сбил «фоккера» и взял в плен фашиста, — говорил другой под дружный смех летчиков.

В полку этот случай знали все. Челпанов вылетел на аэродром истребителей, расположенный в нескольких километрах от линии фронта, для установления связи и организации взаимодействия. В воздухе его поймал фашистский [26] истребитель «Фокке-Вульф-190», решивший, видимо, одним махом покончить с маленьким связным самолетом. Набрав высоту, гитлеровец устремился в атаку. Но «кукурузник» вдруг пропал: Челпанов заметил невдалеке небольшую речушку и «прижал» самолет к самой воде, летя ниже крутых, обрывистых берегов. Сделав несколько кругов, фашист заметил самолет и снова ринулся в атаку. Челпанов начал делать неожиданные виражи, развороты над самой землей, нырял в овраги и лесные просеки. Разница в скоростях самолетов была очень велика. Гитлеровец боялся врезаться в землю и поэтому на малой высоте не успевал прицеливаться или же выпускал за атаку всего одну-две очереди.

«Бой» длился долго. Фашист до того увлекся, что не заметил, как Челпанов завел его далеко за линию фронта на свою территорию. Закончился этот поединок тем, что немецкий летчик растратил боеприпасы, потерял ориентировку, израсходовал горючее и был вынужден совершить вынужденную посадку в нашем тылу, где его взяли в плен. Во время воздушной погони Челпанов был ранен: осколком снаряда слегка царапнуло пятку. Это ранение также служило предметом неистощимых острот.

Сам лейтенант, хотя и понимал, что насмешки беззлобные, переживал и сердился. Ему казалось, что работа, которую он выполняет, второстепенная, и он стоит в стороне от боевой жизни полка. А между тем Челпанова в полку уважали и любили.

Раз лейтенант не выдержал и обратился к командиру с просьбой дать ему возможность переучиться и летать на пикирующем бомбардировщике.

— Ты же не достанешь ногами до педалей! — пошутил командир.

— Достану!

— Ну, хорошо. Поговорю с командиром дивизии. Если разрешит, в свободное время сам выведу тебя на учебном самолете.

Полк скоро получил передышку. [27] Начались учебные полеты. Командир вызвал Челпанова.

— Докладывал я комдиву о твоём желании, — сказал он. — Разрешил полковник. Так что готовься к полетам.

И вот Челпанов на боевом самолете. Успехи его были поразительны. Уже после нескольких полетов по кругу и в зону лейтенант вылетел самостоятельно. Взлетал и садился он отлично, пилотировал самолет уверенно, в строю держался, как на привязи.

Очень скоро Челпанов вошел в семью бомбардировщиков равноправным членом и активно включился в боевую работу.

Полк получил задание — вести разведку ближних и дальних тылов противника. Летали одиночно по маршруту Орел — Карачев — Брянск. Фотографировали аэродромы, шоссе и железные дороги, сосредоточения войск. Возвращались обычно на большой высоте. Летали и на «свободную охоту». Так назывались вылеты на разведку ближних тылов противника. Маршрут обычно экипаж выбирал сам. В задачу входило: разведать и сфотографировать сосредоточение или передвижение войск противника, бомбить и штурмовать его.

Вылеты были опасными и в то же время очень интересными. Если самолет-одиночку ловили фашистские истребители, то уйти уже было трудно. Но зато какое чувство справедливой мести, бывало, испытываешь, когда, найдя большое скопление войск врага, неожиданно обрушиваешься на него.

...Самолет, круто планируя, заходит на штурмовку колонны автомашин с пехотой. Стреляет летчик. Веер пуль — разрывных, бронебойных, зажигательных, трассирующих — осыпает колонну врага. Там, внизу, все смешалось. Вспыхивают автоцистерны с горючим, валяются в кювет машины, на полном ходу выскакивают из кузовов автомашин гитлеровцы, падают, разбегаются по полю... За гибель наших людей! За сожженные города и села!

Летчик выводит самолет низко над землей и идет над колонной. Теперь стреляет стрелок-радист.

Та-та-та! Та-та-та! — трещат очереди пулемета. Пули настигают бегущих, рвутся в моторах автомашин, зажигают ящики с боеприпасами. [28]

Еще заход... Еще... Колонна рассеяна. Теперь враг не скоро ликвидирует пробку на шоссе. Да и не дадут ему сделать этого наши самолеты.

Часто фашисты упорно сопротивлялись. Бешено били зенитки, трассы пулеметов образовывали густую сеть. Казалось, из нее не вырваться. Обычно самолет, прилетевший с такого задания, был сплошь изрешечен пулями и осколками...

Лейтенант Челпанов очень быстро стал одним из лучших разведчиков полка. В то время гитлеровцы, готовясь к наступлению на Елец, подтягивали резервы, перегруппировывали силы. Летный состав полка работал много. Часто экипажи делали по три, четыре, а иногда и по пять вылетов в день. Между нами возникло даже своеобразное соревнование: кто больше уничтожит эшелонов, кто привезет наиболее ценные сведения о противнике.

Чтобы вылететь лишний раз, отказывались от обеда. Бомбы подвешивали всем экипажем за несколько минут. Особенно дружно работал экипаж лейтенанта Челпанова. Сам он успевал везде: помогал подвешивать бомбы, чистил пулеметы, заправлял самолет горючим. И ни разу не возвращался с задания без ценных сведений о противнике. По его данным немедленно направлялась группа бомбардировщиков или штурмовиков.

Зимой 1942 года гитлеровцы предприняли наступление. Сосредоточив крупные силы в районе Орла, они пытались вбить клин в расположение наших войск. Острие этого клина было направлено на Елец. Начались ожесточенные бои. С утра до вечера на нашем аэродроме стоял гул. Самолеты поднимались в воздух и шли на запад — туда, где кипело сражение. Фронт придвигался. Гитлеровцы подтягивали все новые и новые резервы.

Беспрерывно уничтожать с воздуха вражеские резервы — такую задачу поставило перед полком командование. На счету лейтенанта Челпанова было более сорока вылетов, когда он получил задание бомбить и штурмовать колонну войск противника в районе населенного пункта Ливны.

Лейтенант полетел и не вернулся.

Его ждали до вечера. Запрашивали соседние аэродромы, но получали неизменный ответ:

«Бомбардировщик с хвостовым номером три в районе аэродрома не пролетал и не садился». [29]

Когда район был освобожден от врага нашими войсками, полк перебазировался на аэродром Ливны. Однажды в штаб пришел старик, житель деревни, расположенной километрах в десяти от аэродрома. Старик хотел видеть командира. Его привели в кабинет подполковника, где только что закончилось совещание летного состава.

Вот что рассказал нам этот старик.

...В деревню всю ночь прибывали фашистские войска. Штук двадцать танков и полсотни машин остановились прямо на шоссе. Пехота расположилась в домах. Каждая изба была забита до отказа. Но мест не хватало, и гитлеровцы, отобрав у жителей все теплые вещи, устраивались на ночь прямо в кузовах машин. Одного из жителей деревни, не желавшего отдать маленькое ватное одеяло, которым был укрыт ребенок, застрелили. Труп за ноги вытащили из избы. Выбросили на мороз и голого, кричащего ребенка...

Голос старика дрожал. Он жадно затягивался папиросой, которую предложил ему кто-то из нас, не замечая, что табак уже сгорел и дымится мундштук.

...Утром, когда фашисты еще спали, над деревней появился самолет. Он промчался над домами и пропал. Через минуту самолет снова появился и сбросил бомбы на вражескую колонну. Одна из бомб разорвалась рядом с головным танком на шоссе. Танк загорелся и перевернулся, загородив дорогу. Фашисты переполошились. В панике они выбегали из домов, стреляя на ходу и не понимая в чем дело. Многие из них вскакивали в автомашины, заводили моторы и пытались удрать, но никак не могли объехать лежащий на дороге танк: машины буксовали в глубоком снегу. В этот момент самолет еще раз сбросил бомбы в самую гущу гитлеровцев. Полетели в разные стороны осколки металла и дерева, трупы врагов. Тогда пилот снизился и начал методически обстреливать колонну. Пули настигали фашистов всюду: в канавах, в воронках, под машинами и в поле. Но два пулемета непрерывно вели огонь по самолету, и он неожиданно вспыхнул. Летчик развернул машину. Ревя моторами, самолет на огромной скорости врезался в колонну, разметав в стороны ее остатки...

Старик замолчал. Несколько минут в комнате стояла гнетущая тишина. Он медленно расстегнул тулуп и достал из-за пояса покоробившийся от огня кожаный планшет. [30]

— Потом на снегу, недалеко от того места, где сгорел самолет, я нашел вот это...

Командир раскрыл планшет. В нем лежала аккуратно свернутая полетная карта-десятикилометровка и небольшая любительская фотография. С нее открыто улыбался Челпанов. Он был снят рядом со своим командиром звена лейтенантом Половниковым — человеком богатырского сложения и высокого роста. Фотография была на редкость удачной. Половников с серьезным лицом доказывал что-то Челпанову, подняв кверху указательный палец. Челпанов смотрел снизу вверх на этот палец, чуть приоткрыв рот. Его лицо выражало столько добродушия, жизнерадостности, мальчишеского задора, что каждому, смотревшему на фотографию, хотелось улыбнуться.

— Который же из них? — тихо спросил старик.

Командир показал. Старик долго рассматривал карточку.

— Маленького роста был человек, — сказал он наконец, — а сердце имел большое. Русское сердце. [31]

Он осторожно погладил фотографию рукой, зачем-то подул на нее и, бережно положив на зеленое сукно стола, встал и снял шапку. Все, находившиеся в комнате, последовали его примеру.

Через месяц мы узнали, что лейтенанту Василию Челпанову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Вступление в партию

Боевая работа авиационного полка начинается до рассвета. Только посереет небо, на аэродроме уже суета. К самолетам подъезжают специальные автомашины. Они заправляют бомбардировщики водой, маслом, бензином. Гудят моторы. Это техники и мотористы проверяют их перед вылетом. Надо устранить все, даже самые мелкие неполадки, чтобы при выполнении боевого задания летчик был уверен в исправности моторов, безотказной работе приборов, оборудования.

Летчики, штурманы, стрелки-радисты в это время готовятся к вылету: получают боевое задание, уточняют его, изучают сигналы взаимодействия, маршрут полета.

Еще солнце не выглянуло из-за горизонта, а самолеты уже один за другим взмывают в воздух, уходят на запад. Через несколько часов они возвратятся с боевого задания, снова заправятся горючим, пополнят боеприпасы, подвесьят бомбы и опять поднимутся в воздух.

Так до вечера, пока стемнеет.

А бывает иначе: густая облачность закрывает голубое небо, сеет мелкий, надоедливый дождь. В такую погоду не полетишь. Тогда летчики сидят под плоскостями самолетов или собираются в командном пункте. Одни пишут письма родным или знакомым, другие «режут» в домино, третьи мастерят портсигары и мундштуки из прозрачного плексигласа, четвертые читают газеты, книги. И, конечно, все нещадно ругают «небесные силы» за то, что те не дают хорошей погоды.

Такой день выдался и сегодня.

С утра было ясно. Мы получили боевое задание и начали готовиться к вылету. Но скоро по небу побежали редкие кучевые облака. Их становилось все больше и больше. Края у облаков не резко очерченные, а рваные, [32] расплывчатые — первый признак дождя. Через полчаса небо заволочили сплошные низкие облака. Погоды хорошей сегодня не жди.

Скоро с метеостанции возвратился лейтенант Косыгин.

— Окклюзия, — безнадежно сообщил он.

Окклюзия на языке метеорологов — стык холодного и теплого фронтов в области циклона.

— Ну, раз окклюзия, дело наше — табак, — сказал Афанасьев. — Остается только перекур. Пошли, товарищи!

Мы расположились подальше от самолетов на траве. Лейтенант Гостев вынул из кармана домино.

— Забьем, что ли?

Никто не откликнулся.

— Споем лучше, — предложил Афанасьев.

— Давай, — согласилось сразу несколько человек. — Запевай, Аким, нашу, авиационную.

Пристроившись поудобнее, Афанасьев запекает. Голос у него не сильный, но чистый, приятный и верный.

Посмотри, изорванные в клочья,

Облака за горизонт спешат.

И тревогой налитые очи

Жизнь страны любимой сторожат..

Афанасьеву подтягивает штурман нашего экипажа Гостев. К ним присоединяется еще несколько голосов.

Мелодия ширится, плывет, как и эти бесконечные облака над землей.

Мой командир экипажа, старший лейтенант Ус, не принимает участия в пении. Усевшись в сторонке, он сосредоточенно чистит пистолет. Я подхожу к нему.

— Можно, товарищ командир, вопрос один?

— Да.

— Хочу заявление в партию подать.

Командир внимательно смотрит на меня.

— Твердо решил?

— Твердо.

— Добро. Ждал я этого давно. Серьезный шаг в жизни. Ответственность на тебя ляжет большая. Пример другим должен подавать. Ну и недостатки свои с корнем вырвать. А они есть. Скажут тебе товарищи на собрании.

Он помолчал.

— Рекомендацию я тебе дам. К командиру эскадрильи [33] обратись, он хорошо знает тебя, — закончил старший лейтенант.

После ужина, когда все улеглись спать, я присел к свежооструганному столу, подвинул ближе «бензинку» — снарядную гильзу с заправленным фитилем — и стал писать заявление.

Черновик прочитал Афанасьеву: «Прошу принять меня в ряды Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Обязуюсь быть дисциплинированным, храбрым, честно служить своей социалистической Родине, громить врага, не жалея своей крови и жизни для достижения победы».

Он раскритиковал:

— Не так пишешь, голова. Первая фраза пойдет. Добавь только слово «славной». Дальше не годится.

«Обязуюсь»... ты что, договор на соцсоревнование заключаешь, что ли? И вообще, слишком длинно.

Пиши так: «Буду честно, не щадя своей жизни, служить любимой Родине». И точка.

Я согласился. Переписал заявление, заполнил анкету и осторожно, чтобы не помять, положил их в планшет. Погасили «бензинку» и улеглись рядом на нарах.

— Примут, как ты думаешь? — спросил я Афанасьева.

— Примут.

— А тебя как принимали? Расскажи.

— Мне, брат, не везло. В финскую это было. Вечером собрание назначили, а днем полетели мы на задание, и пуля угодила мне в ногу. С полмесяца в госпитале провалялся. Вернулся в полк, а комиссар говорит: «Пиши новое заявление». Оказывается, бомба финская прямо в штаб угодила и сгорели мои документы. Написал. А тут приказ — перебазироваться на другой аэродром. Бои непрерывно шли, не до собрания было. Только через месяц или даже больше приняли.

— А спрашивали на собрании что?

— Биографию. Вопросы разные задавали. И ругали тоже.

— За что же?

— Политически еще слабо развит, говорили, с дисциплиной не все в порядке... Да ты спи! Вставать завтра рано, — спохватился он и повернулся на другой бок.

Поворочавшись, я убедился, что не засну. Тихонько [34] оделся и вышел из землянки. Ночь стояла тихая, безлунная. После дождя воздух наполнился нежным запахом, будто расцвели ночные фиалки.

«Совсем как у нас на Украине, — думал я. — Что там сейчас? Чужой солдат хозяйничает и уничтожает созданное нашим трудом. А я? Много ли я сделал? Нет у меня боевых заслуг. Завтра спросят биографию. А что рассказывать? Написал вот, на полстраничке уместилось. Окончил десятилетку, пошел в институт. Затем армия. Авиационный полк. Воздушный стрелок-радист. Вот и все... «Убил ты хоть одного врага, сбил самолет противника?» — спросят. Нет. Но я готов выполнить задание, которое даст мне Родина, партия. Я готов...»

За спиной раздался кашель.

— Чего не спишь, полуночник? Смотри, вон небо уже сереть начало, скоро подъем.

Я узнал голос командира эскадрильи и поспешил в землянку.

На другой день, после полетов, состоялось партийное собрание. Председательствовал командир эскадрильи майор Сулиманов. Прочитали мое заявление, анкету. Рассказал я свою биографию.

При обсуждении первым выступил Афанасьев.

— Стрелок-радист он грамотный, старательный. Боевые задания выполняет хорошо, ничего не скажешь. Но есть у него еще некоторая путаница в голове. Увлечений много, и меняются они часто.

Неуравновешенность какая-то. Вот раньше о море мечтал, потом говорит: «Летать хочу». А теперь: «Товарищи наши на переднем крае с фашистами дерутся, а я сел в самолет, поработал на радиостанции — и вся война...»

Мне было досадно. К чему он здесь все это выкладывает? Ведь я с ним, как с товарищем, поделился. Афанасьев словно угадал мои мысли.

— Скажешь ему — обижается, — продолжал он. — А обижаться нечего. Раз ты стрелок-радист, всей душой свою специальность боевую любить должен. В этом и состоит твой долг перед Родиной. А в общем, предлагаю принять кандидатам, — неожиданно закончил старшина.

Выступали другие. Говорили о том, что я слабо участвую в общественной работе, мало изучаю стрелковое дело и радиосвязь. [35]

Последним выступил командир эскадрильи.

— Бывает так, — сказал майор. — Летает человек, воюет исправно, в бой рвется. Говорят про него: храбрец, жизнь за Родину не задумываясь отдаст, самое место ему в партии. А присмотришься — поверхностное это. Лихость этакая, удалство. Опыта боевого нет и знаний не хватает. И не хочет он этот опыт и знания приобретать. Я, мол, и так достаточно знаю, все постиг и все могу. Один, без товарищей, в бой пойду, не струшу. Такому рано в партию.

Другой, наоборот, тихий, скромный, незаметный. Но приглядишься к нему: дело свое знает, сноровистый. И Родину любит не меньше других. Его и за книгой увидишь, и с людьми побеседует, газету почитает, разьяснит что надо. Значит, серьезный человек, расти будет. Партии нужны такие. И те и другие есть у нас в полку, — продолжал майор. — Далеко за примерами ходить не надо. Возьмите летчика лейтенанта Артюхина. Над колоннами врага летает так низко, что, как сам говорит, «винтами фашистам головы рубит». А не учитывает того, что на такой высоте самолет легко сбить даже из автомата или винтовки. Это никому не нужное и даже вредное лихачество.

А вот другой товарищ — сержант Власов. Нелюдимым кажется, медлительным, а руки золотые и голова на плечах разумная. Исправный и толковый стрелок-радист. Ценить и уважать таких надо...

Я сидел, принимая каждое слово на свой счет, слушал и волновался. Думал: говорит он это, чтобы не приняли.

Но ошибся. За нового кандидата в члены партии проголосовали единогласно.

— Поздравляю! — первым подошел ко мне после собрания Афанасьев.

Я с жаром пожал протянутую руку.

Все отправились в землянку. Я отстал и свернул к аэродрому. Хотелось побыть одному, привести в порядок свои чувства, мысли.

Теперь я коммунист. Какие новые обязанности налагает на меня это высокое звание? Товарищи сегодня правильно говорили: «Ты должен быть примером во всем, быть всегда впереди». Это значит, надо быть таким, как коммунисты — командир эскадрильи майор Сулиманов, как мой товарищ старшина Афанасьев или таким, как [36] лейтенант Леонтьев. Они первые в учебе и в бою. Они хорошие товарищи и требовательные командиры, умеют организовать коллектив и повести его за собой.

После первого боевого вылета я присматривался к лейтенанту Леонтьеву. Тогда он совершил героический поступок, посадив боевую машину, подбитую врагом, на своей территории, спас экипаж и самолет. Он в числе первых получил боевой орден. Я заметил, что лейтенант ничуть не зазнался. Наоборот, стал как-то ближе, роднее для каждого из нас. Лейтенанта избрали парторгом полка. И не зря. Он — чуткий и отзывчивый товарищ, первый советчик, воспитатель.

Я еще долго ходил по аэродрому, думая о той большой перемене, которая произошла сегодня в моей жизни. В мыслях было одно: теперь я — рядовой славной партии Ленина. У меня высокие обязанности, и я постараюсь выполнить их с честью.

Через несколько дней в политотделе дивизии мне вручили кандидатскую карточку, на обложке которой было написано: «Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков)».

Я спрятал билет в левый карман гимнастерки, ближе к сердцу.

Высота — восемьсот метров

Однажды утром сразу после подъема к нам в землянку заглянул связной командира полка.

— Командира эскадрильи срочно на командный пункт! — крикнул он.

Майор вернулся минут через пятнадцать строгий, торжественный.

— Полетим на Орел. Будем бомбить аэродром, — сообщил он.

Мы подошли ближе к командиру и вытащили из планшетов карты. Орел был камнем преткновения во всех наших полетах. Какое бы задание мы ни выполняли, путь обязательно лежал мимо него. Город надежно прикрывала зенитная артиллерия врага. На трех его аэродромах базировалось около сотни истребителей и почти столько же бомбардировщиков. Мы имели сведения, что недавно сюда прибыли новые авиачасти. Истребители врага [37] всегда барражировали {1} над Орлом в большом количестве. Каждый знал, что предстоит бой и очень жаркий. Командир уточнял задание:

— Выйдем к аэродрому, что левее города километров на десять. Эскадрилью будут прикрывать четыре истребителя. Две другие эскадрильи нашего полка бомбят остальные аэродромы Орла. Задача — уничтожить как можно больше техники и вывести аэродромы из строя. Надо, чтобы после налета фашистские самолеты не смогли подняться в воздух. Бомбометание — с высоты восемьсот метров. Огонь зенитных средств ожидается сильный, поэтому придется непрерывно маневрировать...

Задание всем ясно. Мысли направлены к одному — как лучше его выполнить. Нужно твердо запомнить сигналы, маршрут полета, порядок сбрасывания бомб и взаимодействия с истребителями.

Лейтенант Коломенский что-то с жаром доказывает своему штурману, проводя тупой стороной карандаша невидимые линии на карте. Флагманский штурман аккуратно прикладывает целлулоидную линейку к пятикилометровке, вычерчивая маршрут. Командир эскадрильи отвечает на вопросы.

Наконец все готово к вылету. Мы ждем только команды.

— Чего приуныл? — обращается лейтенант Леонтьев к Косыгину. — Не сомневайся, задание выполним, все хорошо будет.

— Тебе, парторг, по штату положено настроение поднимать, — съязвил Косыгин. — А ведь, верно, сам думаешь: «Вернусь ли сегодня, или собьют немцы?» Так ведь?

— Не совсем так, — подумав, ответил Леонтьев. — Видишь ли, надо твердо верить в то, что живым останешься и задание выполнишь. Я, например, всегда верю. Настроение перед боем должно быть хорошее. Верно, товарищи? — обратился он к летчикам.

— Конечно, правильно, — первым отозвался Афанасьев. — Это самое паршивое дело в бой идти, думая о том, что убьют. Вот у меня в жизни был интересный случай... [38]

Но рассказать этот случай ему не пришлось. Последовала команда на вылет.

До линии фронта шли спокойно. Ревели моторы, самолеты чуть покачивались, неся тяжелый груз. Девятку самолетов, идущих клином, замыкали четыре «яка».

Линию фронта прошли на высоте тысячу метров. Выше — почти сплошной шатер густых, кучевых облаков. Кое-где попадались просветы, и неожиданно открывалось бездонное голубое небо.

Ударил зенитная артиллерия. Я насчитал двенадцать разрывов. Невольно вспомнились слова командира эскадрильи: «Страшен первый залп зенитной артиллерии. Он неожиданный. Потом вероятность быть сбитым меньше, потому что самолеты маневрируют. И вести огонь по ним труднее». Действительно, теперь снаряды рвались и вверху, и внизу, и даже где-то далеко-далеко впереди.

Потом зенитный огонь прекратился. Эскадрилья шла на запад, оставляя позади десятки километров нашей земли, занятой сейчас врагом.

Резко поворачиваем вправо. Скоро цель. Вот впереди, в туманной дымке, проступают очертания большого города. Снова вспыхивают разрывы зенитных снарядов. Их много: белых, черных. Белых

больше. Это стреляет малокалиберная артиллерия, скорострельные пушки. Далеко впереди разорвался снаряд — пристрелочный. В воздухе повис большой клуб красновато-бурого дыма. Сейчас там, внизу, наверное, лихорадочно мечутся фашистские солдаты-зенитчики, определяя высоту полета наших самолетов, скорость, дистанцию, устанавливают данные на прицелах, поворачивают кольца снарядов.

Словно лавируя между подводными камнями, идет эскадрилья в разрывах снарядов. Сулиманов, как опытный лоцман, уверенно прокладывает путь. К разрывам снарядов присоединяются пулеметные трассы. Кажется, что в небе нет места, которое не простреливалось бы.

Вспыхивает мотор на машине, идущей справа от нас.

Коломенский... Неужели? Сообщаю об этом своему командиру.

Но летчик скользит на крыло и затем выравнивает машину метров на двести ниже. Теперь пламени не видно.

— Молодец, сбил пламя! — кричу командиру.

Подбит и самолет лейтенанта Ровенского. Очевидно, перебита гидросистема шасси, так как колеса наполовину [39] вышли из гондол. Но самолет держится в строю. Зато Коломенский отстал: видимо, «тянет» на одном моторе. Приподнимаюсь, чтобы лучше рассмотреть его самолет и протягиваю руку к кромке люка. Сильный удар по кисти отбрасывает руку к правому борту самолета. Кровь бьет фонтаном. В первую минуту от нестерпимой боли темно в глазах. Рукав комбинезона разрезан, словно ножом. Торчат куски ваты, сразу пропитавшиеся кровью. В левом борту самолета осколочная пробоина, узкая и длинная... «Перебита кость или не перебита?» Превозмогаю боль, осторожно шевелю пальцами. «Не перебита», — утешаю себя.

Неожиданно смолкает огонь зенитной артиллерии. Справа от нас целый рой самолетов. Это — фашистские истребители. Атаковать сверху эскадрилью нельзя — мы идем под самой кромкой облаков. Истребители заходят снизу. В бой уже ввязались три наших «яка». Четвертый не отходит от машины Коломенского.

Мы уже над целью. На аэродроме ровными рядами выстроились вражеские самолеты. Перед вылетом нам показывали фотоснимок, сделанный с самолета-разведчика. Ничего не изменилось на аэродроме: фашисты не рассредоточили самолеты и не замаскировали их. Очевидно, не ожидали, что советская авиация решится днем бомбить хорошо прикрытый да еще расположенный далеко за линией фронта аэродром.

Сбрасываем фугасные бомбы и сразу же разворачиваемся. Надо сделать еще один заход. Фашистских истребителей не видно. Второй заход делаем спокойно. Стрелка высотомера стоит на цифре «800». Командир точно выполняет приказ. Припав к пулемету, не упуская из виду вражеских истребителей, я слежу за разрывами. Сотни мелких бомб несутся вниз, прямо на стоянку самолетов. Бомбы ложатся в шахматном порядке. Две из них попали прямо на стоянку самолетов, одна — в штабель бомб, сложенных тут же. Взрыв сильный. Дым и пламя взлетают так высоко, что даже самолеты подбрасывает взрывной волной.

И тут начинается что-то невообразимое — под нами появляются истребители врага. Кажется, все слилось в огненный клубок — не разберешь, где свой, где чужой. В шлемофоне — обрывки команд по радио на русском и немецком языках, сильный треск. Я [40] стреляю из пулемета по самолетам, появляющимся в хвосте, твердо зная, что свой истребитель ни за что не зайдет в хвост бомбардировщику. Таков закон боя, и каждый из нас твердо усвоил его. Бью короткими очередями: надо экономить боеприпасы. Впереди еще десятки километров до линии фронта. Раненая рука онемела. Боль тупая и вполне терпима, да и не до боли сейчас. Кажется, и без руки все равно стрелял бы.

И вот команда — на обратный курс. Задание выполнено. Только бы отбиться от истребителей. Но это не так легко: теперь их стало больше. Один проходит так близко от нашего самолета, что чуть не задевает его крылом. От злости я стискиваю зубы и отчаянно ругаюсь — стрелять нельзя, не повернешь в сторону фашиста пулемет... Серая мгла окутывает самолет. Входим в облака и через несколько секунд выходим выше их — слой облаков очень тонкий. Над нами яркое ослепительное солнце, а внизу, словно океан, бурлят, пенятся облака. Истребители противника остались под облаками. Считаю наши самолеты. Трех нет. Кого же? Коломенский — раз. Второй, наверное, Ровенский, а третий? Нет «единички» Сулиманова? Сердце больно сжимается. Неужели сбили командира эскадрильи?

Еще раз внимательно осматриваю самолеты. Действительно, в строю нет машины Сулиманова. Значит, нет и моего лучшего друга старшины Афанасьева... Настраиваю радиостанцию. Радисты запрашивают моего командира о дальнейших действиях.

— Передай, что пойдем над облаками. В случае атаки истребителей будем пробиваться вниз, — говорит старший лейтенант Ус.

Пробивать облачность пришлось очень скоро. Два фашистских истребителя, взмыв свечой вверх из облаков, стали набирать высоту для атаки.

Я хорошо знал этот прием: со стороны солнца на огромной скорости обрушиться на бомбардировщиков, расстроить боевой порядок, а потом бить их по одному.

Мы не стали ждать атаки. Нырнули в облака. Но фашисты поняли наш маневр. Они разделились на две группы. Под облаками нас уже ждали четыре «Фокке-Вульфы». Началась игра в «кошки и мышки». Наш самолет то нырял в облака, меняя курс, то отстреливался от наседающих истребителей. Так продолжалось до самой линии [41] фронта, и мы вышли из этой «игры» победителями, не потеряв больше ни одного самолета. Только над своей территорией я снова почувствовал сильную режущую боль в руке и страшную слабость. Хотелось растянуться прямо здесь, в кабине, и не двигаться.

На аэродроме старший лейтенант подрулил прямо к командному пункту полка, где стояла карета скорой помощи. Мне помогли вылезти из кабины и сразу усадили в карету.

Вечером я лежал на чистой койке в маленькой комнате полковой санитарной части. Рана была перевязана, и чувствовал я себя превосходно. Навестить меня пришли старший лейтенант Ус и лейтенант Гостев. Штурман сообщил новости.

Лейтенант Ровенский благополучно приземлился на своем аэродроме. Никто из экипажа не ранен, хотя весь самолет изрешечен осколками. Майор Сулиманов, едва перетянув линию фронта, совершил вынужденную посадку в расположении своих войск. Старшина Афанасьев жив, здоров, передает привет. Труднее всего пришлось Коломенскому. Снаряд зенитной артиллерии разорвался прямо в кабине. Вышел из строя мотор. Осколком летчику вырвало кусок мякоти голени правой ноги. Но Коломенский удержал машину в горизонтальном положении. На одном моторе, непрерывно атакуемый истребителями, он пилотировал самолет до самой линии фронта и сел на ближайшем аэродроме, где базировались наши истребители. Когда подбежали к машине, летчик был без сознания.

Фотоснимки показали результаты бомбометания нашей эскадрильи. Взорвано и сожжено шесть бомбардировщиков противника, два штабеля с бомбами, выведена из строя взлетно-посадочная полоса аэродрома. В воздушном бою сбито два вражеских [42] истребителя. Две другие эскадрильи полка также успешно выполнили боевое задание. Бомбили они, пикируя с большой высоты. Истребители врага, отвлеченные налетом нашей эскадрильи, их не атаковали.

Через неделю, еще будучи в госпитале, я узнал, что приказом Верховного Главнокомандующего нашему полку присвоено наименование «Орловский».

Комиссар полка

Летный день окончен. Последний самолет, блеснув серебром крыльев в лучах заходящего солнца, сделал разворот, заходя на посадку. Выключены моторы. Из кабин усталые вылезают летчики. К машинам спешат техники.

Я отстегиваю парашют. В ушах гудит, к ногам как будто тяжелые гири привязаны.

Уже потемнел и застыл в спокойном величии лес. Даже легкий ветерок не колышет крон деревьев.

Примятая за день трава, выпрямилась в прохладном /воздухе и источает нежный, чуть слышный аромат.

Хочется растянуться на земле, жадно вдыхать эти лесные запахи, не думать о войне, об утратах.

Но отдыхать некогда. Завтра предстоит такой же жаркий день. Я снимаю пулеметы и, расстелив остро пахнущий бензином и маслом брезент, разбираю и чищу их. Надо успеть почистить, пока не стемнело.

Неподалеку разговаривают двое.

— Да разве я со злобой на него... Нерасторопный парень. Говорю ему: подай гаечный ключ, а он мне торцовый сует. А ведь сто раз показывал ему. Как тут не выругаешься?

— Руганью не возьмешь. На то ты и техник, дело знаешь. Ведь старательный же он парень, правда?

Я узнал неторопливый густой бас комиссара.

— В экипаже дружба нужна. Это — главное,— продолжал комиссар. — Не похлопывание друг друга по плечу, не начальственный окрик, а настоящая боевая дружба. Вот такая, о которой в газете вчера написали. О танкистах. Читал, наверное?

— Не читал. Некогда. Работы по горло. День и ночь у самолета.

— Совсем плохо. Газеты читать надо. А танкисты геройский [43] подвиг совершили. Экипаж ночью из-под носа у фашистов свой подбитый танк увел, да еще на буксире немецкий прихватил...

Комиссар полка подполковник Алимов прибыл к нам недавно. Невысокого роста, приземистый, плотный, в старой, выдавшей виды кожанке, он по внешности скорей был похож на председателя колхоза, чем на политработника. Мне он с первого взгляда не понравился. После того как командир полка представил его личному составу, я подумал: сейчас комиссар речь держать будет.

Но подполковник только назвал свою фамилию, сказал, что рад служить в прославленном полку и надеется вскоре ближе познакомиться со всеми.

И вдруг на следующий день командир полка объявил, что группу самолетов на боевое задание вместо него поведет комиссар.

— Подполковник Алимов командовал эскадрилей. После тяжелого ранения переведен на политическую работу, — заметив наши недоуменные взгляды, пояснил командир.

Вылет в этот день был самым обычным. Нас не атаковывали истребители противника, зенитная артиллерия обстреливала в меру. Но воля ведущего чувствовалась. Флагманский стрелок-радист подавал группе команды четко и своевременно. Комиссар вел «девятку» плотным строем. Перестраивались хорошо, бомбили метко. Мы убедились, что подполковник — опытный, умелый летчик. Мне в душе было немного неловко за свою скоропалительную оценку.

Вскоре я познакомился с комиссаром ближе. Произошло это так. Все время я пытался разыскать свою мать. Много раз запрашивал Центральное справочное бюро по эвакуации, но получал неизменный ответ: «В списках эвакуированных не числится».

После освобождения моего родного города написал по старому адресу. И вот неожиданно получил письмо от матери. Сообщала, что жива, здорова. Эвакуироваться не смогла и хлебнула много горя в оккупации. Мы стали с матерью регулярно переписываться. Однажды она написала: «Спасибо вашему комиссару за хорошее письмо. Я рада, что тебя уважают товарищи, что живете и воюете вы, дорогие мои, дружно, хорошо. Спасибо вам. А еще от всей души спасибо твоим друзьям за [44] посылочку, которую они прислали. Желаю вам, родные, живыми быть и врага быстрее разбить».

— Что же вы, товарищи, не сказали мне ничего? — спросил я.

— Видишь, как оно получилось, — смущенно оправдывался Афанасьев. — Беседовал с нами как-то комиссар и намекнул, что неплохо бы письма и посылки коллективные послать некоторым родителям. Вот мы и послали твоей матери, да еще старикам Власова в Сталинград. Мы там сахар, консервы положили. В общем, мелочь разную...

Удивленный и растроганный до слез, благодарил я своих друзей...

Стало совсем темно. Уже на ощупь я поставил пулеметы, проверил, правильно ли их закрепил, закрыл люк кабины, и присел на землю немного отдохнуть. Не заметил, как подошел ко мне комиссар.

— Дело есть, — сказал он. — Пойдем вместе в столовую, поговорим.

Несколько минут мы шли молча.

— Непорядок у вас в экипаже, — сердито начал он. — Техник этаким царьком себя чувствует, грубит подчиненным. Моторист и оружейный мастер — молодые солдаты. Газет не читают. И тебя, как коммуниста, это не волнует... Непорядок, — повторил он. — Вот тебе поручение. Проведешь беседу с техническим составом. Расскажи о положении на фронтах, о боевых делах советских воинов. И о героях нашего полка расскажи. Подшивку газет в штабе возьми...

Через несколько дней я проводил первую беседу. Сначала никак не мог настроиться: говорил несвязно, повторялся. Но потом, когда речь зашла о людях нашего полка, я воодушевился. Рассказал о подвиге Челпанова, лейтенанта Леонтьева, командира звена Коломенского и многих других летчиков. На примерах показал, что во многом успешному выполнению боевых заданий способствует четкая работа технического состава.

Комиссар похвалил меня. После этого он часто давал мне поручения. Я проводил беседы, помогал штабным работникам оформлять наградные листы и даже начал записывать в специальной книге боевые дела полка.

С приходом Алимова жизнь полка заметно оживилась. Афанасьев организовал кружок художественной самодеятельности и готовил какую-то музыкальную интермедию. [45]

В эскадрильях теперь регулярно выходили «боевые листки». Их вывешивали на фанерных щитах прямо на стоянках самолетов.

Словом, в свободное от боевой работы время, жизнь в полку стала полнокровнее и содержательнее.

Недоигранная партия

Шел июль сорок третьего года. Сосредоточив в кулак огромное количество живой силы и техники, враг начал Орловско-Курское наступление, решив во что бы то ни стало сломить нашу оборону, взять в клещи советские войска и снова выйти к Москве. Теперь все знают, чем окончилась грандиозная битва. Советская Армия не только остановила наступление гитлеровцев, во наголову разбила их и сама перешла в решительное контрнаступление.

Но тогда было трудно. Разгорелось ожесточенное сражение. Ежедневно в воздушных боях участвовали сотни и тысячи самолетов. Днем и ночью фашистская авиация бомбила передний край обороны. Но несравненно сильнее были наши бомбовые удары. Советские бомбардировщики обрушивали на голову фашистов сотни тысяч тонн металла, штурмовики и истребители расстреливали колонны войск и техники. Рев авиационных моторов сливался с грохотом рвущихся снарядов, мин и свистом «катюш». Нам ставили задание в день по шесть-семь раз. Мы должны были бомбить то скопления пехоты, то танки противника на исходной позиции, то его артиллерийские батареи.

С раннего утра до позднего вечера мы находились на полевого аэродроме, расположенном у опушки леса. Так и сегодня. Уже с рассвета мы на аэродроме. Постепенно проходит сонливость.

Летчики, штурманы, стрелки-радисты и техники расположились на траве, еще мокрой от росы, в ожидании знакомой и всегда волнующей команды: «По самолетам!». Все в полной готовности: в комбинезонах и унтах, только без шлемофонов.

Штурман нашего экипажа лейтенант Гостев любит поспать. И сейчас, подложив под голову парашют, закрыв лицо шлемофоном, он сладко похрапывает. Я с командиром [46] старшим лейтенантом Усом играю в шахматы. Шахматы — его слабость. Когда его приглашали на партию распространенного у нас «козла», он неизменно отказывался.

— Вот шахматы — другое дело, — говорил старший лейтенант. — Это та же война, только на доске, а не в воздухе: недооценил противника, сделал неправильный ход — собьют.

Помню, как-то раз он предложил мне сыграть партию в шахматы. Я играл белыми и избрал свое излюбленное начало — ферзевый гамбит. Партию выиграл без особого труда. Командир нахмурился. — Давай еще, — предложил он.

Выиграл я и вторично, хотя командир играл осторожнее. Третью партию старший лейтенант играть отказался, а на следующий день я видел, как он вынул из кармана несколько сборников шахматных партий и, расставив фигуры, начал разбирать комбинации. Командир готовился дать реванш. Через неделю он выиграл у меня партию. С тех пор я стал его неизменным партнером.

Сегодня старший лейтенант был особенно в форме. Играл сосредоточенно, обдумывая каждый ход. То и дело он тер себе виски и шарил по карманам в поисках папирос, забывая, что уже месяц, как бросил курить. Партия достигла наивысшего напряжения, когда в воздух взлетела ракета. Шипя и рассыпая огненные брызги, она очертила в голубовато-прозрачном утреннем воздухе дугу и сгорела, не долетев до земли.

Мы бросились к самолетам.

Садясь в кабину, командир успел крикнуть технику:

— Мирошниченко, возьми доску, да фигуры смотри не сдвинь! Прилетим — доиграем. Ход мой.

Вылет был успешным. Несмотря на сильный зенитный огонь и атаки истребителей, мы буквально «накрыли» бомбами небольшой лесок, где сосредоточилось около тридцати танков противника. В воздушном бою нам удалось сбить фашистский истребитель. Произошло это так. Когда истребитель, зайдя в хвост, атаковал наш самолет, мы стреляли со штурманом одновременно. Я хорошо видел, как, загоревшись, вражеский самолет «завалился» на крыло и понесся вниз. Летчик не выпрыгнул, и самолет, почти отвесно ударившись о землю, взорвался.

Я сказал Гостеву: [47]

— Ты сбил.

— Нет ты.

В конце концов решили «разделить фашиста пополам».

Осколком снаряда нам пробило бензиновый бак в центроплане. Бензин широкой струей стекал по плоскости и расплывался в воздухе. Мельчайшую бензиновую пыль задувало в открытую кабину. Она каплями оседала на приборах, комбине зоне, лице. В кабине стало душно. Я все время следил за воздухом, высунувшись из люка. Пробоина была недалеко от выхлопного патрубка мотора: самолет мог загореться. Но, к счастью, этого не произошло. А если не загорелся сразу, то теперь, на обратном пути домой, когда перешли линию фронта, это было уже не так страшно. Мотор «барахлил», и мы далеко отстали от строя. Первое время нас прикрывали два «Лавочкина», но вот и они, покачав на прощанье крыльями, ушли: где-то поблизости был расположен их аэродром.

До нашей базы оставалось тридцать восемь километров.

Я передал очередную радиogramму и, переключив переговорное устройство на внутреннюю связь, спросил командира:

— Прилетим домой — доиграем партию?

— Обязательно. А пока смотри за воздухом.

Я снова высунулся из люка и обвел взглядом чистый горизонт. Самолетов нигде не было. Почему-то я задумался о дружбе, той боевой дружбе, которая особенно крепка в бомбардировочной авиации. Здесь действительно — «один за всех, и все за одного». Растеряется летчик в бою, не сманеврирует правильно при обстреле зенитной артиллерией или при атаках истребителей — самолет могут сбить. Плохо ориентируется штурман, не сумеет вывести самолет на цель и метко сбросить бомбы — экипаж не выполнит задачу. А радист? От стрелка-радиста тоже зависит многое. Его называют «щитом экипажа». Он обязан первым увидеть в воздухе вражеские истребители, вовремя предупредить командира и умело отбить атаки. Радист держит в своих руках все нервы боевой машины, по которым передается в бою воля командира. Три человека, имеющие разные обязанности, спаянные настоящей боевой дружбой, составляют одно целое.

Есть ли в нашем экипаже такая дружба? Да, есть! Командир экипажа — наш старший товарищ. Я не называю его по имени и не говорю ему «ты», но тем не менее [48] мы друзья. Я знаю, что где-то в Челябинске живут сейчас его жена и дочь, эвакуированные из Харькова. Старший лейтенант радуется каждой весточке из дому, Я искренне радуюсь вместе с ним, когда на его имя приходит письмо. Ему было известно, что я потерял связь с матерью и не знал, осталась она в оккупированном Донбассе или успела выехать на восток. Командир несколько раз тайком от меня писал по различным адресам, наводя о ней справки. И как искренне он поздравлял меня, когда после освобождения Донбасса оказалось, что мать жива, а мы стали переписываться.

Я знаю, он строг. Нарушения дисциплины не простил бы мне никогда, несмотря на то, что привязан ко мне больше, чем к другим.

Штурман не похож на командира. Это балагур, весельчак, любитель песен и музыки. Первое время мне казалось, что командир недолюбливает штурмана и не особенно верит в его познания и опыт: Гостев совсем недавно пришел в полк из военной школы. Но вскоре он проявил себя знающим и вдумчивым штурманом. Во всех вылетах Гостев сбрасывал бомбы точно на цель, умел быстро произвести нужные

расчеты. Гостев страдал малярией. Иногда перед вылетом неожиданно начинался приступ. Тогда под палящими лучами солнца он кутался в меховой комбинезон и мучительно трясся, стуча зубами. На предложения командира лечь в госпиталь неизменно отвечал шуткой:

— Холодно, это не беда. Буду дрожать до тех пор, пока согреюсь.

Когда у штурмана начинался приступ, командир заботливо накрывал его своей шинелью, доставал из кармана хину, которую всегда носил при себе, и протягивал таблетку.

Нет, дружили мы крепко. Эта была настоящая боевая дружба, без которой нельзя в бою.

...Самолет шел на небольшой высоте. Теперь до аэродрома рукой подать. Я уже предвкушал, как сниму жаркий ватный комбинезон и унты. Хорошо бы сейчас окунуться в холодную воду, поплавать!

Справа по курсу нашего самолета показался истребитель. Я доложил командиру и стал наблюдать за ним. Самолет развернулся и нырнул в облака. Теперь никаких сомнений [49] не оставалось — это был враг. Заметил или не заметил?

Но фашист заметил наш бомбардировщик. Через несколько секунд он появился из облаков и понесся на нас сверху. Опасность была велика. Достаточно одной зажигательной пули, и самолет, пропитанный бензином, вспыхнет, как факел.

— Стреляй! — испуганно крикнул я штурману.

Но он уже вел огонь. Стрелял и фашист. Клубочки черного дыма вырывались из тупого носа [50] «Фокке-Вульфа». А через секунду случилось самое страшное. Я почувствовал, как жаркое пламя ударило мне в глаза, опалило выбившиеся из-под шлемофона волосы. В кабине поднялся огневой вихрь. Ничего не видя, я закрыл обожженное лицо руками и инстинктивно полез головой вниз, под бронированную плиту. В телефонах отчетливо раздавался почему-то очень слабый голос командира:

— Терпи... сейчас... посажу...

Самолет резко ударился о землю. Меня швырнуло назад, к передатчику. Что-то больно ударило по голове. В глазах потемнело, и я потерял сознание.

Очнувшись от нестерпимой боли. Лицо пылало. Почерневшая кожа на кистях обеих рук свисала клочьями. Огня в кабине уже не было, но дым ел глаза, першил в горле, не давал дышать. Меня поразила тишина. Я рванулся, чтобы выскочить в верхний люк. Что-то не пускало меня из кабины. Сделал еще рывок и мешком вывалился на землю. Первое, что увидел — огромный костер вдалеке.

«Что это?—напряженно работала мысль. — Ах да, это фашистский самолет. Значит, сбили все-таки! Туда и дорога!» Горел и наш самолет. Яркие огненные брызги падали вокруг, образуя маленькие костры.

— Командир! Штурман!

На крик никто не отозвался. Бросился туда, где бушевал огонь. «Открыть колпак! Быстрее открыть колпак!» — стучало в мозгу... Тугое и плотное, как ртуть, пламя ударило в глаза, ослепило, сбilo с ног... «Нужно встать... нужно встать...»—работало сознание, но сил не было. Красный туман поплыл перед глазами, огромный диск солнца, приблизившись вплотную, дыхнул жаром. Почему так печет солнце? Прячась от него, я старался зарыть во вспаханную самолетом землю руки, лицо. Земля, словно поняв меня, расступилась, и я полетел в бездонную пропасть.

И еще помню: белая, белая комната, кровать. Что это? Где я? Неожиданно с беспощадной отчетливостью перед глазами встала картина: горящий самолет и двое в кабине его. Открыть колпак! Хочу встать и не могу. С трудом поднимаю отяжелевшие веки и вижу лицо командира эскадрильи. Губы шепчут:

— Командир... штурман... Живы?

Майор молчит. [51]

— Значит... партия осталась недоигранной?

Сулиманов смотрит удивленно.

Начался бред.

Снова в полку

— Прошу выписать меня из госпиталя!

Вместо ответа начальник госпиталя обернулся к дежурному врачу, стоявшему у спинки кровати.

— А вы что скажете, Алексей Николаевич?

— Ему надо полежать еще недели полторы.

— Я уже совсем здоров. И чувствую себя очень хорошо.

Врач нахмурился, начальник улыбнулся.

— Вот, всегда так, Алексей Николаевич. Кормят хорошо, курить дают, покой полный. А чуть подлечатся: «Выписать, выписать!» Слово к теще на именины спешат, а не на фронт.

Они отошли от койки, так я не ответив на мою просьбу. А вечером я получил документы и направление на пересыльный пункт.

За два дня до этого мне стало известно, что наш полк базируется на аэродроме километрах в тридцати от линии фронта, и я решил добираться прямо в полк. Был риск, что задержат где-нибудь в дороге или не застану свою часть на этом аэродроме, но тем не менее я отправился. Очень хотелось быстрее попасть в свою семью. Именно семьей стал для меня полк, и я спешил туда, как к себе домой.

Рано утром, усталый и продрогший, я прибыл в ближайший к аэродрому населенный пункт. Чтобы не блуждать долго в поясах аэродрома, обратился к первому встречному. Это была женщина лет пятидесяти.

— Вам аэродром? — окинула она меня подозрительным взглядом. — Сейчас я узнаю у соседа. — И скрылась в дверях дома.

Через минуту, на ходу расстегивая кобуру, из дома поспешно вышел высокий мужчина в военной форме, со знаками различия авиационного техника-лейтенанта.

— А ну, покажи документы! — строго потребовал он.

Я вынул красноармейскую книжку, справку о ранении и направление на пересыльный пункт. [52]

— Гм... — неопределенно промычал техник, вертя в руках бумаги, — а документики-то... того... — Он сунул их себе в карман гимнастерки и скомандовал: — Шагай впереди, да не вздумай бежать, а не то... — он выразительно посмотрел на пистолет.

Я поплелся по дороге, провожаемый угрюмыми взглядами людей, высыпавших из домов. Слышал, как знакомая уже мне женщина говорила соседям:

— Шпион, должно. Аэродром спрашивал...

Аэродром оказался близко — сразу за шоссеиной дорогой. По всему было заметно, что готовятся к вылету. Возле стоянок суетились техники, к самолетам подъезжали бензозаправщики. На старте стояла группа офицеров. И я, к великой своей радости, еще издали узнал командира эскадрильи майора Сулиманова. Не разбирая дороги, я почти бегом направился прямо на старт.

— Влево сворачивай! — скомандовал шедший за мной техник.

Майор заметил меня и пошел навстречу. Не дослушав рапорта, крепко обнял.

— Молодец, что вернулся. Только вот худой стал очень. — И, покосившись на мои забинтованные руки, добавил: — А из госпиталя, наверное, сбежал?

— Да нет, не совсем...

— Снова отправим, — строго заметил он, но, видя мое растерянное лицо, рассмеялся. — Я пошутил, не бойся.

— А вам что? — спросил майор переминающегося с ноги на ногу техника.

— Да вот... Документы у него не в порядке... Аэродром спрашивал.

Техник вынул мои документы и протянул их Сулиманову.

Тот раскатисто рассмеялся, поняв в чем дело.

— Значит, под конвоем прибыл. — Он хлопнул меня по плечу и, повернувшись к технику, добавил: — Правильно сделал, молодец! Бдительность, брат ты мой, всегда нужна.

Самолеты начали вырывать на старт.

Вместе с техником шел я к опушке маленькой рощицы, где помещался штаб полка и землянки летного состава. Он ворчал:

— Голова, сразу бы сказал, из какого полка. [53]

— Да ведь я же не знал, здесь ли полк или нет, — оправдывался я.

— Спросил бы. А теперь надо мной смеяться будут. Вместо шпиона, скажут, своего под пистолетом привел. Ты хоть не рассказывай ребятам, а то прохода не дадут.

Я пообещал.

Возле землянки, прямо на земле, сидел Афанасьев. На ящике из-под мелких осколочных бомб, стоявшем перед ним, лежал кусок ватмана. На нем не особенно ровно было выведено «За родину!». Увидев меня, Афанасьев быстро встал и, прихрамывая, пошел навстречу.

После первых приветствий, объятий и беглых вопросов мы присели на ящик, служивший старшине столом, предварительно убрав бумагу.

— Не повезло нам, старик, — сказал Афанасьев. — [54] Инвалиды теперь. Видишь, я хромаю. Летать не разрешают. Как твое самочувствие?

— Я-то ничего, Аким. А вот наши... Днем и ночью вижу командира, штурмана. Кошмары снятся. Такое чувство, будто виноват, что не сумел спасти...

— Да, брат, бывает... — сочувственно отозвался старший а.

Новости в полку были печальные. Погиб лейтенант Артюхин. Он увлекся штурмовкой колонны врага и не заметил, как его взяли в клещи истребители. Лейтенанта Половникова и старшину Придатченко тяжело ранило осколками снаряда зенитной артиллерии. Оба умерли в госпитале.

— А воевали знаешь как? — с жаром рассказывал Афанасьев. — Здорово воевали!

Командиру звена Сорокину осколками оторвало четыре пальца правой руки. Но он сбросил бомбы на цель, привел машину на аэродром и посадил.

— Как посадил! Классно! — восхищался Афанасьев. — Герой Советского Союза теперь. Но летать больше не придется.

В полку еще трем товарищам присвоено звание Героя Советского Союза. Командир эскадрильи капитан Дельцов и его штурман капитан Козленко трижды водили группу на бомбометание крупного скопления танков. Уничтожили много вражеской техники. Несмотря на сильный зенитный огонь и атаки истребителей, все самолеты вернулись на аэродром. Третий герой — лейтенант Леонтьев. За месяц он

совершил сорок восемь успешных вылетов на глубокую разведку. Далеко в тылу врага его поймали шесть истребителей. Машину зажгли, а экипаж выбросился на парашютах. Спасся один летчик. Раненый, он сумел пробраться к партизанам и только недавно был переправлен через линию фронта. Сейчас он лечится.

Многие из полка награждены орденами и медалями.

— И ты награжден орденом Красной Звезды, поздравляю, — спохватившись, добавил Афанасьев. Я поблагодарил и многозначительно посмотрел на гимнастерку Афанасьева, на которой сверкал новенький орден Красного Знамени. Я тоже поздравил товарища.

Снова заговорили о боевых делах.

— Вот Косыгин... Помнишь, как в прошлом году было: то напьется, то еще какой-нибудь номер выкинет. Всегда [55] его ругали. А теперь не узнаешь лейтенанта. Куда девались озорство, бесшабашность. Командир ставит его в пример и даже ходатайствует об утверждении в должности командира звена... Сержант Власов сбил еще один истребитель, представлен к награде. У парня преподавательский талант. Он проводит теперь занятия с молодыми радистами, прибывшими в полк. Так объясняет — заслушаешься. Умеет привить любовь к своей специальности... Мы закурили, помолчали.

— Ну, а как фашисты не тревожат вас на аэродроме? — поинтересовался я.

— Вчера только беспокоили, — рассмеялся Афанасьев. — Да дурные какие-то попались. Видно, перевелись у них асы, а может быть, шарик за шарик заскакивать стал. В середине стоянки стояли два больших деревянных катка, зимой снег укатывали на взлетной полосе. Приняли их, должно быть, за цистерны с бензином. Прилетели вчера шесть «фоккеров» и целых четверть часа шпарили из пушек и пулеметов по этим каткам. И удивлялись, наверное, почему не горят? Несколько раз заходили, пока не израсходовали снаряды. А мы теперь щепок столько насобирали, что на всю зиму хватит топить землянку... Заговорился я, — нахмурился вдруг Афанасьев. — Достанется мне сегодня. Через час газета должна быть готова, а вот не получается что-то.

Я предложил помочь, и мы вдвоем склонились над бумагой. Подправив заголовок, я начал рисовать самолет.

— Тебе, оказывается, надо не летать, а стенгазеты выпускать, — шутил Афанасьев. — Придется нам организовать художественно-творческую артель инвалидов.

Вечером я был у командира полка. Подполковник сам прикрепил к моей гимнастерке орден, крепко пожал руку, поздравил.

— Товарищ подполковник, разрешите летать? — попросил я.

— Нет, — сказал он. — Летать не будете до тех пор, пока не заживут руки и не поправитесь. А дело мы вам найдем. Мне докладывали о вашем художественном таланте. Будете выпускать стенгазету, «боевые листки». Кроме того, поможете адъютанту эскадрильи составлять боевые донесения. Ясно?

Мне было ясно только одно — летать пока не разрешают. [56]

На следующий день я носился по аэродрому от самолета к самолету, расспрашивая летчиков и заполняя графы боевых донесений.

«НЕ ВОЗЬМЁШЬ»

Бешено ревут моторы. Мощная струя воздуха, отбрасываемого винтами, пригибает к земле траву. Самолет стоит на старте. Из форточки кабины высовывается рука: летчик просит разрешения на взлет. Флажок стартера поднимается вверх, потом замирает в горизонтальном положении. Подняв хвост, самолет все быстрее и быстрее бежит по аэродрому. Вот он оторвался от земли. Медленно складываются тяжелые шасси, и самолет сразу взмывает вверх, круто разворачивается, идет по кругу. А в это время уже другой бежит по аэродрому. За ним третий, четвертый... В воздухе они догоняют ведущего, пристраиваются. Скоро все самолеты, выстроившись в правильный треугольник, проходят над аэродромом. С земли хорошо видны тяжелые бомбы, подвешенные к фюзеляжам машин, и тонкие рыльца пулеметов, опущенных книзу.

Самолеты легли на курс. Эскадрилья ушла на боевое задание.

На этот раз задание было сложным и необычным: бомбометанием с пикирования надо было разрушить узкий и длинный мост через речку с болотистыми берегами. По мосту фашисты перебрасывали резервы к участку фронта, где наши войска вели наступательные бои.

Одному звену выполнить задание не удалось. Оно было встречено истребителями противника и сильным огнем зенитной артиллерии, прикрывавшей мост. Бомбы упали на шоссе и в воду. А по мосту продолжали двигаться автомашины, танки, пехота врага.

Теперь командование решило послать на задание эскадрилью Героя Советского Союза капитана Дельцова, которую должны были прикрывать десять наших истребителей.

Перед вылетом командир полка сказал Дельцову:

— Помните, задание должно быть выполнено во что бы то ни стало.

— Будет выполнено! — коротко ответил капитан. [57]

Все знали, что слово Дельцова — твердо. Не было такого случая, чтобы он не выполнил приказа.

Однажды перейдя в воздухе линию фронта, Дельцов был прижат к земле густой и низкой облачностью. Казалось, не было никакой возможности выполнить задание. Риска подорваться на собственных бомбах,

капитан зашел на цель на высоте сто метров. Взрывом самолет подбросило вверх, осколки пробрили кабину, повредили хвостовое оперение.

Эскадрилья выполнила задание и на этот раз, но среди вернувшихся самолетов не доставало «двойки» Дельцова. Летчики видели сильный взрыв недалеко от моста. Предполагали, что самолет командира эскадрильи сбит прямым попаданием снаряда зенитной артиллерии. Рассказывали, что видели куполы парашютов. Но все сведения были противоречивы и неточны...

На следующий день в полк прибыли штурман и радист Дельцова, а позже попутная машина подвезла к штабу полка и самого командира эскадрильи.

Мы обступили капитана, наперебой расспрашивая его. Усевшись на землю, он расстегнул комбинезон, закурил и начал рассказ.

* * *

На высоте трех тысяч метров эскадрилья перешла линию фронта. Разноцветными облачками совсем близко вспыхивали разрывы зенитных снарядов, машину подбрасывало, она вздрагивала, как пугливое животное, но, послушная рулям и воле человека, покорно шла по заданному курсу. Десять истребителей, прикрывавших наши бомбардировщики, шли выше.

Батарея у моста встретила эскадрилью ураганным огнем. Уже при подходе была видна тонкая лента дороги и на ней черные пунктиры машин, танков, бронетранспортеров. Там беспрерывно мелькали вспышки зениток, вверх неслись огненные линии снарядов.

— Выпускаю тормозные решетки, — и Дельцов нажал тумблер.

Машина замерла на какую-то долю секунды и, опустив нос книзу, вошла в пике. Земля приближалась. Чаще замелькали вспышки выстрелов вниз, быстрее понеслись навстречу трассы. Теперь уже у моста, на дороге, можно было ясно различить густой поток танков, орудий и маленькие [58] фигурки людей, разбегающихся в разные стороны.

Стрелка высотомера резко падала. Когда она дошла до цифры «1000» и в перекрестье прицела появился мост, командир нажал кнопку бомбосбрасывателя и автомата выхода из пике. Самолет начал медленно выходить из пикирования. Радист открыл шторку фотоаппарата — необходимо было заснять результаты бомбометания.

Дельцов увидел, как взметнулись недалеко от моста столбы земли. Уменьшившийся на мгновение огонь зенитной артиллерии, вспыхнул с новой силой.

— Передай по радио — делать второй заход, — приказал командир радисту.

Самолет снова набрал высоту и начал подходить к цели... Сбросив бомбы и выйдя из пике, Дельцов рассмотрел обрушившиеся фермы моста и скопившиеся у берега автомашины.

— Теперь будем бомбить колонну, — принял решение командир и снова стал заходить на боевой курс. Но бомбить ему больше не пришлось. Впереди ослепительно ярко вспыхнул разрыв, и самолет бросило в сторону. У Дельцова вырвало из рук штурвал. Он снова схватил [59] его, но машина перестала слушаться летчика — рулевое управление не работало.

— Экипаж! Прыгать! — крикнул Дельцов, тщетно пытаясь перевести самолет в горизонтальное положение.

Командир покинул самолет последним, только тогда, когда убедился, что спасти машину невозможно. Раскачиваясь на стропах парашюта, он поискал глазами самолет. Грудой обломков тот догорал у моста, невдалеке от вражеской зенитной батареи. Капитан увидел и два купола парашютов, быстро опускавшихся в лес, вдали от населенного пункта и дороги. Но его собственный парашют несло ветром прямо на деревню, занятую врагом. Он уже отчетливо видел людей, бегущих от шоссе, и на миг представил себе картину: его хватают, выворачивают руки, шарят по карманам, издеваются. Они ведь и не стреляют сейчас потому, что надеются взять летчика живым.

«Плен? Ну нет!» — и Дельцов вынул пистолет. Холодное дуло прикоснулось к виску. И тут же другая мысль: «Малодушие! Сначала нескольких врагов ухлопаю... А может быть, убегу?»

Земля была уже совсем близко, когда Дельцов, собрав в руку добрую половину строп парашюта, резко потянул их. Теперь купол не оказывал большого сопротивления воздушной струе, и летчик стремительно понесся вниз. Перед самой землей он отпустил стропы.

Враги поздно поняли этот маневр. Летчик приземлился от них метрах в шестидесяти. Быстро отстегнув парашют и даже не ощутив боли от сильного удара о землю, он бросился к лесу. Сзади загремели выстрелы. Почти не целясь, Дельцов отстреливался. Сбоку, наперерез, бежало трое. Остановившись, летчик выстрелил. Один упал. Еще выстрел, еще. Упал и второй, не добежав нескольких метров. Сухой щелкнул курок пистолета — патроны кончились. Третий фашист бросился под ноги летчику. Дельцов споткнулся, упал. Сразу же на него навалились несколько разгоряченных тел, пытаясь вырвать теперь уже ненужный пистолет. Тяжелыми воючими сапогами били в грудь, бока, в голову. Липкие теплые струйки побежали по лбу. Чувствуя свое бессилие, Дельцов извивался на земле, закрывая голову руками. Почти теряя сознание, он ждал новых ударов. Но их почему-то не было. Ничего не понимая, несколько секунд лежал неподвижно, потом приподнялся. [60] Втянув голову в плечи, фашисты разбежались, торопливо прыгали в воронки, в щели...

Дельцов вскрикнул от радости. Низко, на бреющем полете, озаряясь вспышками выстрелов из пулеметов, плотным строем шли штурмовики с красными звездами на крыльях. Родные звезды! За первой волной штурмовиков катился гул второй, третьей.

Собрав все силы, он встал. Сначала медленно, спотыкаясь, а затем все быстрее и увереннее побежал к спасительной опушке леса. Вот она, кажется совсем близко. Но в последний момент силы изменяют. Летчик падает, и почти одновременно автоматные очереди бороздят землю справа и слева... Лежит, бессильно раскинув руки, тяжело дыша. Нужно набраться сил, встать, побежать! Сзади уже слышится топот ног — враги приближаются. И... снова рев моторов. Взрывы заглушают все. Он поднимается и, шатаясь, бредет вперед.

Вот и лес, густой ельник. Радость переполняет сердце. На опушке летчик останавливается и оборачивается назад. Из груди с хрипом вырывается: «Что, взяли? Га-а-ды!»

— Линию фронта переходить не пришлось, — закончил рассказ командир эскадрильи. — Да и не стало линии фронта. Наша матушка-пехота прорвала оборону на этом участке и так двинула фашистов по зубам, что они бегут, аж пятки сверкают. Сам видел.

Американец

Шли кровопролитные бои на Одере. Это был последний водный рубеж, за который зацепились гитлеровцы, пытаясь во что бы то ни стало остановить стремительное продвижение наших войск к Берлину. Фашисты дрались яростно, бросая в бой все новые резервы.

Нам приходилось тяжело. Боевые вылеты следовали один за другим. Мы бомбили артиллерийские позиции, скопления войск, мосты, дороги, переправы. Работы, словом, хватало. И работали, надо сказать, с большим подъемом — день победы приближался.

Полк базировался на аэродроме, километрах в трех от города Шнайдемюль, в Восточной Пруссии. Это был первый немецкий город на нашем фронтовом пути. Правда, в [61] самом городе нам не пришлось побывать — некогда было. С раннего утра и до позднего вечера мы не отходили от самолетов, готовые в любую минуту подняться в воздух. Ночевали здесь же, на аэродроме в служебных зданиях, уцелевших от бомбежек.

Аэродром был огромный. На нем свободно разместились два полка нашей дивизии и полк истребителей прикрытия.

В один из дней мы совершили четыре боевых вылета, бомбили вражеские соединения, расположенные в небольшом населенном пункте за Одером. Только к вечеру удалось попасть в столовую. Усталые и голодные, мы расселись за столами, ожидая, пока разогреют уже остывший и перестоявшийся обед. Неожиданно раздались выстрелы малокалиберных зенитных орудий. Мы выбежали из столовой. Над аэродромом кружился самолет, похожий на немецкий истребитель-корректировщик «Мессершмитт-110». Когда он снизился, стали ясно видны на плоскостях белые звезды в синих кругах.

— Американец! Вот здорово! — крикнул кто-то.

Зенитчики прекратили стрельбу. Самолет выпустил шасси и пошел на посадку. Это был американский самолет «Лайтнинг».

Летчика вынули из кабины буквально на руках, не дав ему опомниться. С интересом рассматривали долгового рыжего лейтенанта, одетого в защитный френч и брюки, заправленные в гетры. Американец радостно хлопал по плечу кого-то из летчиков, что-то быстро говорил, тыча пальцем в звездочку на его фуражке. Потом вытащил сигареты, — как сейчас помню, на коробке был изображен верблюд, — и начал угощать всех. Мы вслушивались в звуки незнакомой речи, но ничего не понимали. Кто-то вспомнил, что лейтенант Косыгин часто щеголял английскими словечками. Его быстро нашли и втолкнули в круг. Американец, поняв, видимо, обращался теперь только к Косыгину и сыпал словами без передышки. Косыгин же смущенно бормотал «олл райт», «вэри уэлл». Этими да еще тремя-четырьмя словами, оказалось, исчерпывались все его познания в английском языке.

Переводчик объявился неожиданно в лице майора Шевцова — помощника начальника штаба. Этот скромный, молчаливый человек, оказывается, хорошо знал английский [62] язык. Он свободно заговорил с американцем. Мы дергали майора за гимнастерку, с нетерпением ожидая перевода.

Наконец Шевцов перевел. Американского летчика зовут Кемп. Билл Кемп. Сегодня он вылетел с одного английского аэродрома, где стоит их эскадрилья, чтобы сфотографировать три крупных вражеских аэродрома. Кемп потерял ориентировку и, когда горючее было на исходе, сел на первый попавшийся аэродром. Он боялся, что угодит к немцам, и очень обрадовался, что попал к русским ребятам.

Мы потащили американца в столовую, усадили на самое почетное место и наперебой угощали всем, что у нас имелось: селедкой, колбасой, консервами, жирными щами и пловом. Налили, конечно, и водки. Американец залпом выпил добрых двести граммов и разговорился еще больше. Майор Шевцов переводил. Кемп родом из Калифорнии. Дома у него небольшая мастерская по ремонту автомобильных моторов. Воюет совсем недавно. Окончил годичную школу летчиков, служит в особой разведывательной эскадрилье.

Кемп доволен. Жалование у летчиков хорошее, кроме того, они получают большое вознаграждение за каждый успешный вылет. Летают, правда, редко: раз-два в неделю. Но он надеется, что война продлится еще полгода-год. Тогда можно будет накопить побольше денег и открыть свой собственный заводик.

— Ловкач! — Афанасьев с неприязнью поглядел на американца. — Выходит, кое-кому война оборачивается наживой.

— Бизнес, — уточнил майор Шевцов.

— Бизнес, бизнес! — обрадовался американец знакомому слову.

Он быстро опьянел. Потянувшись за закуской, чуть не перевернул стол и хриплым, срывающимся голосом заорал какую-то песенку, притопывая в такт ногой.

— Отведите его спать, — брезгливо бросил майор Шевцов.

Мы охладели к американцу, и на следующий день уже не обращали на него внимания. Кемп ходил по аэродрому от самолета к самолету, всему удивлялся. Покачивая головой, он ощупывал пробоины от осколков зенитных снарядов в одном из самолетов, что-то доказывал летчику, [63] легко раненному в руку. И очень удивился, когда через полчаса этот же пилот поднялся в воздух.

У американца был маленький фотоаппарат, и он без конца делал снимки. У флагманского самолета к нему подошел майор Сулиманов, молча протянул руку к фотоаппарату и несколько минут разглядывал его. Потом, не обращая внимания на отчаянные жесты американского летчика, вынул катушку с пленкой и вернул фотоаппарат. Заметив удивленный взгляд техника, недовольно проворчал:

— Нечего ему здесь фотографировать.

В середине дня над аэродромом неожиданно появились два фашистских бомбардировщика. Протяжно завывли сирены, ударили зенитки. Поспешно выруливали на старт наши истребители. Мы быстро попрятались в щели, вырытые невдалеке от стоянок самолетов.

Торопливо сбросив бомбы, вражеские бомбардировщики ушли. Бомбы разорвались возле командного пункта, не причинив особого вреда: была повреждена одна автомашина с оборудованием для ремонта моторов и подожен бензозаправщик.

Мы выбрались из щелей и собрались возле места разрывов.

— А где же американец? Не пришибло ли его, чего доброго? — спросил Косыгин.

Кемпа мы нашли с трудом, минут через десять, за пустыми ящиками из-под бомб. Он лежал лицом вниз и поминутно вздрагивал.

— Вояка! — презрительно сказал кто-то.

Вечером американский летчик улетал от нас. За линию фронта его должны были сопровождать шесть наших истребителей. Один за другим они вырулили на старт, ожидая взлета «Лайтнинга». Американец высунулся из кабины и помахал нам рукой. Ему даже никто не ответил. Может быть, он удивился, почему русские, приветливо встретившие его вначале, так холодно провожают? Или понял, что советские летчики живут другой жизнью, другими интересами? Может быть, его сердце преисполнялось симпатиями к нам?

Я посмотрел на самодовольное, улыбающееся лицо американца.

Скорее всего он ни о чем таком не думал. [64]

Кюстрин

В полку небывалый подъем. Летаем на бомбометание объектов, войск и техники, расположенных на вражеской территории. Теперь, как говорят у нас, и воевать веселее. И мне, оставшемуся без экипажа и до сих пор не включенному в боевой расчет, особенно обидно. Я уже давно здоров, летать мне разрешено, и вот — заменяю товарищей, временно выбывших из строя. Но уже недели две все здоровы, все на своих местах, и я — «безработный». Многих товарищей просил заменить их хоть на один вылет. Какое там: и слушать не хотят, не соглашаются!

А сегодня заболел радист командира звена лейтенанта Коломенского, и я полечу вместо него.

Ждем команды на вылет. Летчики оживленно беседуют, вспоминая прошедшие боевые дела. Такие разговоры сейчас можно слышать все чаще и чаще. Может быть, потому, что знаем — скоро конец войне, близка победа. Некоторые не прочь сгустить краски, преувеличить опасность, которой они подвергались, и свои заслуги.

В таком духе и ведет сейчас рассказ лейтенант Косыгин.

— Помнишь, Филипп, — обращается он к Коломенскому, — полет на Орел. Тогда тяжелый зенитный снаряд разорвался между нашими самолетами. Взрывной волной мою машину чуть не перевернуло.

— Ну, снаряд-то малокалиберный был, — поправляет Коломенский.

— Что ты! — удивляется Косыгин. — Точно, крупный. Но не в этом дело. Сразу же на наше звено навалились шесть фашистских истребителей, еле мы отбились от них.

— Не шесть, а четыре, — снова замечает Коломенский.

Все добродушно смеются, хорошо зная склонность Косыгина к преувеличению.

Я присматриваюсь к лейтенанту Коломенскому, с которым предстоит сегодня лететь. Он мне нравится. Стройный, всегда подтянут, аккуратен. Машину любит самозабвенно. И самолет будто понимает его: моторы работают ровно, развороты получаются плавные. Коломенский самый молодой летчик в полку, но уже давно командует эвеном. [65]

Штурман Коломенского, лейтенант Овечкин, в полку недавно. Это простой, общительный человек, только военного в нем мало. Когда я как-то обратился к нему «товарищ лейтенант», он поморщился и предложил мне говорить ему «ты»...

Наконец поднимаемся в воздух. Руки привычно вращают рукоятки настройки радиостанции. В телефонах знакомый шум передатчика. Нажмешь ключ — шум усиливается, отпустишь — затихает, словно волна большой силы, ударяясь о скалистый берег, откатывается, шурша по песку. Ровно стучит телеграфный ключ, посылая в эфир точки и тире. Радиограмма состоит из цифр. Там, на земле, с помощью радиосигнальной таблицы, они превратятся в слова. Командир прочтет донесение, примет решение... Я сообщаю, что группа самолетов легла на боевой курс, докладываю о количестве истребителей, прикрывающих нас, и переключаю радиостанцию на прием. В телефонах стучит ключ наземного радиста. Он повторяет мою радиограмму. Теперь надо смотреть за воздухом. Три девятки самолетов идут друг за другом, с небольшими интервалами. Сегодня полк выполняет задание в полном составе. Сзади и с боков — истребители прикрытия.

Я окидываю взглядом всю армаду и невольно вспоминаю первые дни войны. Тогда, в лучшем случае, группу бомбардировщиков сопровождало два-четыре истребителя. Теперь же и количеством и качеством наша авиация намного превосходит немецкую.

Мы летим к городу Кюстрин, расположенному на берегу реки Одер. Внизу — сплошное море разлившейся воды. Это Одер вышел из берегов и затопил окрестности на много километров вокруг. Линия фронта рядом с городом, но точно на картах она не обозначена: части Советской Армии непрерывно продвигаются вперед.

В центре города — крепость, где засели гитлеровцы. Наша задача — выбить их оттуда, разрушить укрепленный район.

Подходим к цели. Командир решил бомбить город с небольшой высоты. Вдруг один из снарядов зенитной артиллерии разрывается под правой плоскостью нашего самолета. Машину подбрасывает. Сверху повреждений никаких не видно. Но, взглянув в нижний люк, я вскрикиваю: снизу капот мотора разворочен снарядом. Рваными клочьями торчит дюралюминиевая обшивка. По ней густыми [66] струями стекает масло. Красноватые языки пламени лижут мотор. Не везет! Летчику сейчас положено аварийно сбросить бомбы, выйти из строя и, развернувшись, пойти на посадку. Пока что это просто — через несколько минут мы будем на своей территории.

Но Коломенский продолжает вести самолет по прямой на запад. Едкий дым наполняет кабину. Неужели не видит? Я включаю переговорное устройство.

— Товарищ командир, горит правый мотор!

— Вижу. Передай командиру полка, что сброшу бомбы по цели, а затем пойду на вынужденную посадку. Спокойствие и уверенность командира передались и мне. Штурман начал прицеливаться перед бомбометанием.

— Влево немного, Филипп, не качай, — сказал Овечкин летчику и закашлялся. — Фу, черт! Дыму сколько. Открой форточку.

Он сказал это так спокойно, словно сидел не в горящем самолете, а где-нибудь на кухне. Форточку колпака Коломенский, наверное, открыл, потому что Овечкин перестал кашлять.

Бомбы, наконец, оторвались. Коломенский резко развернул машину влево, в сторону работающего мотора. Мы летели на свою территорию. Теперь и дым, наполнявший кабину, казался не таким удушливым, и пламя словно стало меньше. Самолет шел над лесом. Здесь где-то должна проходить линия фронта. Все уменьшая скорость, самолет стал снижаться. Коснувшись земли фюзеляжем, он пополз, разворачиваясь вправо. К нам бежали люди. Не ожидая команды, они стали забрасывать пламя комьями влажной весенней земли. Кто-то, сняв с себя ватную куртку, набросил ее на то место, где особенно сильно пробивалось пламя. Сразу еще десятки ватников полетели на мотор. Пожар был ликвидирован. Когда Коломенский осматривал самолет, к нему подошел офицер со знаками различия сапера и поинтересовался, как скоро можно восстановить машину и что нужно ремонтировать. Коломенский охотно пояснил:

— Техники приедут завтра. Снимут погнутые винты, поднимут самолет, выпустят шасси, может быть, заменят мотор. В общем, дня через три-четыре снова будем бомбить.

Сапер удивленно покачал головой.

Техники прибыли этой же ночью. К вечеру следующего [67] дня самолет уже поднялся в воздух и взял курс на свой аэродром.

А утром мы снова вылетели на боевое задание.

Победа

Как только стемнеет, начинают гудеть моторы. Гул их мощный и чистый. Словно один гигантский многомоторный самолет кружится и кружится над головой. Спать не хочется. Мы лежим в землянке и думаем о тех, кто летит сейчас на запад бомбить последний оплот фашистов — Берлин.

Сколько же их? Вероятно вся ночная авиация фронта сейчас в воздухе. Но ведь это только один фронт...

Ровно гудят моторы. Завтра и наши голоса присоединятся к ним. Утром мы полетим на Берлин. Врагу будет нанесен еще один сокрушительный удар. Быть может последний. А там победа. В том, что она близка, уверен каждый из нас. Но никто не произносит заветного слова. Да и не нужно. Ее дыхание чувствуется во всем. Вот и сейчас Тихонов рассказывает о своей довоенной профессии. Он геолог, немало поколесил по стране. Слушаешь его и будто видишь дальневосточные сопки, поросшие вековыми

кедрами, крутые тропы, убегающие к кратерам потухших вулканов, реки, где на дне поблескивает золотиносный песок... Киселев присел в сторонке, задумался над раскрытой книгой. Мысли его далеко, наверное, в родном владимирском колхозе. Может быть, он видит сейчас необозримые поля пшеницы, наполненные сухим полновесным зерном элеваторы, слышит гул комбайнов... Сталинградец Власов вполголоса рассказывает что-то о родном городе.

В дальнем углу землянки раздается смех.

— Строгая она, — слышен голос Афанасьева. — Бывало, придешь с работы и говоришь ей: «Собирай вещи, завтра в командировку еду!»... Ездил я часто по строительным организациям нашего треста. А она: «Ни днем, ни ночью не бываешь дома, ни в кино, ни в театр с тобой не сходишь. И зачем я вышла за тебя, черта кудлатого!» — «А сама, говорю, уже неделю, как в двенадцать часов ночи домой являешься». — «Так у нас же совсем другое дело, — отвечает. — Больница, людей лечить надо». — «А мы строим больницы». — «Много вы настроили [68] Плана и то не выполняете!» — «А вы лечите касторкой да порошками, от которых не то что в почках, но и в желудке камни образуются!». Таким манером ругаемся с полчаса. А когда пошумим вволю, рассмеемся. — «Какой же я тебе черт кудлатый, — говорю ей, — когда от таких разговоров облысел совсем?»

С нар поднялся майор Сулиманов, накинул на плечи куртку и тяжелой походкой направился к двери.

— Эх вы! — с сердцем сказал Овечкин. — Не знаете, о чем говорить.

Все замолчали. Сулиманов женился незадолго до войны. Жена его, учительница, не смогла эвакуироваться из Киева. Когда фашисты подошли к городу, она находилась в родильном доме. Захватив город, гитлеровцы выбросили всех рожениц на улицу и заняли здание под военный госпиталь... Ребенок родился мертвым. Уже через месяц, полная ненависти к захватчикам, жена Сулиманова выполнила ответственное задание подпольной партийной организации. А совсем недавно наш командир узнал, что, схваченная вместе с другими подпольщиками, его жена была повешена на площади у памятника Богдану Хмельницкому.

Как-то случайно я увидел портрет жены Сулиманова — он всегда носил его в левом кармане гимнастерки. Молодая женщина, почти девочка, со строгими глазами и упрямой складкой рта, с косами, уложенными вокруг головы...

Я вышел вслед за командиром. Майор стоял возле землянки и, не отрываясь, смотрел на запад. Небо алело, словно сейчас, в два часа ночи, там занималась заря. Это бушевало пламя великой битвы, битвы за Берлин. Ее отблеск был виден и здесь, за сотню километров от города.

— Это — победа, — тихо сказал Сулиманов.

Задумчивое лицо его озарила улыбка.

— Да, это — победа! — повторил он.

К нам присоединилось еще несколько человек. И вскоре в землянке никого не осталось. Все смотрели на запад, где полыхало зарево. Стояли долго, пока не посерело небо и на востоке не зажглась уже настоящая заря. Солнце всходило стремительно, неудержимо. Казалось, оно поднималось для того, чтобы навсегда погасить своими лучами пожар на западе, пожар войны.

На сердце было радостно. Теперь уже нет сомнения в том, что война скоро закончится. Это уже дело нескольких [69] недель, может быть, дней. И конец боевой работе, тревогам и волнениям. Не будет больше смертей, крови, бомбежек, обстрелов. Мы, бомбардировщики, выходим, останемся не у дел. Так ли это? Конечно, нет. Будем, очевидно, и в мирных условиях настойчиво учиться лучше летать, бомбить, стрелять, безукоризненно держать связь.

Правильно говорил недавно комиссар, что наши успехи, могущество нашей армии не дают покоя кое-кому за океаном. Не простым людям конечно, а тем, кто набил себе мощну на войне. Они будут бряцать оружием, будут стремиться разжечь пожар навой войны. Комиссар сказал, что мы это должны твердо помнить и быть всегда в боевой готовности.

Когда война кончится, нас, конечно, не сразу демобилизуют. Это понятно. Необходимо подготовить замену, обучить молодежь. Тут нам придется поработать еще немало.

Но настанет день, и разъедутся друзья-товарищи в разные концы страны, к своим мирным делам.

Тихонов снова отправится в экспедицию, Киселев поедет восстанавливать колхоз, Власов — строить дома в разрушенном Сталинграде. Афанасьев серьезно подумывает о том, чтобы поступить в Академию связи, а после окончания ее вернуться в полк. Он и меня склоняет к этому. «Нет лучше специальности радиста, да еще авиационного, — говорит он. — Давай, друг, не сворачивать с этой линии. Забудь о море. В воздухе значительно лучше».

Я еще не решил окончательно.

В одном уверен: где бы мы ни были, а годы войны, боевые товарищи не забудутся никогда, и память о крепкой, настоящей дружбе останется в сердце.

И вдруг все загудело. Небо наполнилось самолетами. Их было очень много. Летели группами и по одному, на разной высоте. Это наши самолеты, отбомбившись, шли на восток, навстречу солнцу. Отдельные самолеты еще шли на запад. Загудели моторы и на нашем аэродроме. Торопливо застучали пулеметы — мастера вооружения проверяли оружие перед вылетом. Летный состав уточнял маршрут и задание. У каждого в планшете лежала огромная карта Берлина. Ни разу не видя его, я успел изучить

город, особенно центр. Вот — главная улица, «Унтер ден линден». Правее — [70] рейхстаг, дальше — площадь, налево — наша цель — парк Тиргартен. Здесь укрепились самые матерые фашисты. Эти еще собираются драться, хотя хваленного рейха уже не существует. Ну. и что же! Пусть испытают силу наших бомбовых ударов!

Стремительно разбегаясь, в воздух взмывают самолеты, выстраиваются над аэродромом. Здесь вся наша дивизия...

И вот под нами Берлин. Город весь застлан пеленой черно-серого дыма. Даже сюда, на высоту тысячи метров, доносится запах гари. Заходим со стороны Потсдама. Узкая полоска озер тянется к городу, напоминая стрелу с направленным на цель острием.

Контуры огромного серого города похожи на хищное животное без головы, с отрубленными лапами. Окраины кажутся безжизненными. Только в центре, словно в предсмертной агонии, пульсирует бой. Воздух прорезают трассы снарядов, вспыхивают и долго не гаснут пожары.

Наша дивизия бомбит цель. Вглядываюсь в черную пелену дыма, но разрывов бомб не видно. Только после третьего захода ветер относит дым в сторону. Подо мной площадь, квадраты кварталов, дома. Вот имперский дворец, вот рейхстаг.

Мне кажется, что я уже вижу на большом куполе алое полотнище.

Нет, отсюда, конечно, его нельзя увидеть. Но я верю, знаю, что оно есть, будет.

— Победа! — радостно поет сердце.

Примечания

{1} Барражирование — патрулирование самолетов по определенному маршруту для охраны объектов от авиации противника.